

**ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА**

ЛУИЗА ПЕННИ

Стеклянные
дома

Это превосходная детективная история в классическом стиле
Агаты Кристи, и она, безусловно, заставит поклонников
с нетерпением ожидать продолжения.

Booklist

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Стеклянные дома

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Стеклянные дома / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2017 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-16242-6

Роман «Стеклянные дома» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. В деревне Три Сосны весело отмечают Хеллоуин. Однако праздничное настроение угасает, когда на деревенском лугу появляется странная фигура в черной мантии и в маске. Инспектор полиции Гамаш, желая понять, что это за человек, пытается разговорить его, увести прочь. Но незнакомец стоит непоколебимо, хотя, кажется, не намерен никому причинить вреда. Выясняется, что он изображает кобратора – испанского сборщика долгов, который в Средние века преследовал должников, молча взывая к их совести. К кому же явился кобратор в деревне Три Сосны? Пока этот вопрос занимает местных жителей, незнакомец исчезает, а в подвале церкви находят мертвое тело в костюме сборщика долгов. Убита одна из гостей, приехавших на праздник. Мотив убийства неясен, но, похоже, жертва видела то, что не предназначалось для чужих глаз...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-16242-6

© Пенни Л., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	29
Глава четвертая	38
Глава пятая	44
Глава шестая	48
Глава седьмая	55
Глава восьмая	63
Глава девятая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Луиза Пенни

Стеклянные дома

*Посвящается Лиз Дерозье, которую я нашла в моем саду и
которая теперь живет в моем сердце*

Louise Penny
GLASS HOUSES
Copyright © 2017 by Three Pines Creations, Inc.

© Г. А. Крылов, перевод, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

ЛУИЗА ПЕННИ – канадская писательница, автор серии детективов об Армане Гамаше, старшем инспекторе отдела убийств полиции Квебека. Уже первое ее произведение, «Убийственно тихая жизнь», завоевало несколько престижных премий в области детективной литературы, в том числе премию «John Creasy New Bloody Dagger».

Каждый последующий ее роман мгновенно становился бестселлером. Пенни – первый автор, пять раз получивший премию «Agatha Award».

Эта история является идеальным напоминанием о темной стороне
человеческой природы...
Kirkus Reviews

Криминальным романам Луизы Пенни присущи интеллектуальность и
стиль.
Arrive Magazine

Вы не найдете деревню Три Сосны на карте... хотя Луиза Пенни сделала
и саму деревню, и ее жителей столь реальными, что вам захочется непременно
отыскать ее.
The Chicago Tribune

Читать романы Луизы Пенни – редкостное удовольствие.
People

Изобретательно и неожиданно.
Guardian

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные
вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.
Publishers Weekly

Убийство, обаятельный детектив и пугающая атмосфера – впечатляет!
The Times

Глава первая

- Назовите, пожалуйста, ваше имя.
- Арман Гамаш.
- И вы – глава Квебекской полиции?
- Oui, я старший суперинтендант.

Гамаш сидел выпрямившись на деревянном сиденье. В это июльское утро стояла невыносимая жара. На верхней губе у него выступил пот, а часы показывали всего десять. День только начинался.

Свидетельское кресло не относилось к числу его любимых мест в мире. И уж совершенно точно он не любил свидетельствовать против другого человеческого существа. Всего несколько раз за свою карьеру он получил удовлетворение, даже удовольствие от дачи показаний, но сейчас был не тот случай.

Сидя на неудобном жестком сиденье, под присягой, Арман Гамаш признался себе, что хотя он верит в закон и всю жизнь служил закону, но на самом деле должен отвечать только перед своей совестью.

А она зарекомендовала себя весьма суровым судьей.

– Насколько я понимаю, вы лично арестовали обвиняемое лицо.

– Да.

– Это ведь необычно для старшего суперинтенданта – производить арест?

– Как вам известно, я лишь недавно вступил в должность. Для меня все необычно. Однако в данном конкретном случае я не мог не участвовать.

Главный прокурор улыбнулся. Он стоял спиной к залу и скамье присяжных, так что никто не видел его улыбку. Кроме судьи, которая почти ничего не упускала.

И то, что она увидела, отнюдь не было приятной улыбкой. Скорее ухмылкой. Это удивило судью Корриво, ведь главный прокурор и старший суперинтендант определенно выступали на одной стороне.

Впрочем, это вовсе не означало, что они должны уважать или любить друг друга. Судья Корриво и сама не уважала некоторых своих коллег, хотя вряд ли когда-нибудь смотрела на них с таким вот выражением.

Пока она оценивала свидетеля и прокурора, Гамаш оценивал ее. Пытался понять, о чем она думает.

От того, кому из судей достанется то или иное дело, зависит его исход. А исход дела, которое вела судья Корриво, имел критическое значение. Речь шла не просто о толковании закона, а об атмосфере в зале заседания суда. Насколько строгой она будет? Какое пространство для маневра будет позволено?

Внимательна ли судья? Не устала ли? Не отбывает ли время до звонка? А иногда не столько отбывает, сколько убивает.

Но не судья Корриво.

Морин Корриво стала судьей недавно. Гамаш знал, что это ее первое дело об убийстве. Он ей сочувствовал. Она даже не подозревала, что вытянула несчастливый билет. Что еще немного – и на нее обрушится целая гора неприятностей.

Женщина средних лет, она не скрывала седину в волосах. Возможно, воспринимала это как знак компетентности и зрелости. А может, ей больше не требовалось производить впечатление. Она была опытным юристом, одним из партнеров монреальской адвокатской фирмы.

Когда-то она была блондинкой. До того, как поднялась по карьерной лестнице. Надела шелк, как говорят в Британии.¹

Забавно, но это немного напоминало рассказы парашютистов о прыжках с самолета.

Судья Корриво снова посмотрела на Гамаша. Проницательный взгляд. Умный. Однако Гамаш хотел бы понять, что она видит на самом деле. И что упускает.

Судья Корриво казалась непринужденной. Но это ничего не значило. Возможно, посмотрев сейчас на Гамаша, многие тоже сказали бы, что он чувствует себя раскованно.

Он оглядел переполненный зал судебных заседаний во Дворце правосудия в Старом Монреале. Большинство из тех, кто мог бы присутствовать здесь, предпочли остаться дома. Некоторые, вроде Мирны, Клары и Рейн-Мари, подлежали вызову в качестве свидетелей и не хотели приходить до того дня, когда им придется это сделать. Другие жители деревни – Оливье, Габри, Рут – просто не хотели покидать Три Сосны и тащиться в душный город, чтобы воскрешать трагедию.

Однако Жан Ги Бовуар, заместитель Гамаша, присутствовал на слушаниях, так же как и старший инспектор Изабель Лакост, глава отдела по расследованию убийств.

Вскоре наступит их очередь давать свидетельские показания. А может быть, подумал Гамаш, до этого и не дойдет.

Он снова посмотрел на главного прокурора Барри Залмановица. Но по пути его взгляд скользнул по судье Корриво. К его огорчению, она наклонила голову, чуть-чуть наклонила. И прищурилась, тоже чуть-чуть.

Что она заметила в его глазах? Неужели начинающая судья увидела то, что он пытается скрыть? Отчаянно пытается?

Впрочем, если она и увидела что-то, то наверняка истолкует это неправильно. Подумает, что он не уверен в вине подсудимого.

Но у Армана Гамаша на сей счет сомнений не было. Он точно знал, кто убийца. Он просто опасался, что случится какая-нибудь неожиданность. И необыкновенно хитроумный преступник выйдет на свободу.

Главный прокурор неторопливо направился к своему столу, надел очки и внимательно – кто-то даже сказал бы «театрально» – прочитал какую-то бумажку.

Может, на ней ничего и не написано, подумал Гамаш. Или это список покупок. Почти наверняка бутафория. Облачко дыма. Осколок зеркала.

Суд, как и месса, имел сходство с театральным представлением. Гамаш почти ощущал запах ладана и слышал маленький дребезжащий колокол.

Присяжные, еще не разомлевшие от жары, следили за каждым шагом опытного прокурора. Что от них и требовалось. Но не он задавал тон разыгрывавшейся драме. Эта роль была отдана кому-то находящемуся за сценой, кому-то, кто почти наверняка не произнесет ни слова.

Прокурор снял очки, и Гамаш услышал тихое шуршание шелковой мантии – так судья Корриво выражала свое почти нескрываемое нетерпение. Присяжные вполне могли повестись на уловки прокурора, но судья – нет. Да и присяжные вскоре сообразят, что к чему. Они слишком умны для этого.

– Насколько я понимаю, обвиняемое лицо призналось в совершении преступления, верно? – спросил прокурор, глядя поверх очков в профессорской манере, совершенно не действующей на главу Квебекской полиции.

– Да, признание есть.

– Полученное на допросе, старший суперинтендант?

¹ Выражение «надеть шелк» (take silk) означает «стать королевским адвокатом» (королевские адвокаты носят шелковую мантию). Для того чтобы получить этот статус, необходимо проработать адвокатом не менее пятнадцати лет.

Гамаш обратил внимание, что обвинитель настойчиво повторяет его звание, словно подчеркивая, что человек столь высокого положения просто не может совершить ошибку.

– Нет. Обвиняемое лицо пришло ко мне домой и призналось. Добровольно.

– Возражаю. – Адвокат вскочил на ноги, но с некоторым опозданием, как заметил Гамаш. – Это не соответствует действительности. Признания в убийстве не было.

– Верно. То признание, о котором говорю я, не было признанием в убийстве, – сказал прокурор. – Но оно напрямую привело к предъявлению обвинения, не так ли, старший суперинтендант?

Гамаш посмотрел на судью Корриво, ожидая, что она ответит возражение.

Она помедлила и наконец произнесла:

– Возражение отклоняется. Можете отвечать.

– Обвиняемое лицо пришло добровольно, – сказал Гамаш. – И вы правы: то признание послужило основой для предъявления нынешних обвинений.

– Вас удивило, что обвиняемое лицо явилось к вам домой?

– Возражаю, ваша честь, – снова вскочил защитник. – Субъективно и несущественно. Какое может иметь значение, удивился месье Гамаш или нет?

– Поддерживаю. – Судья посмотрела на Гамаша. – Не отвечайте на этот вопрос.

Гамаш и не собирался отвечать на вопрос прокурора. Судья была права, поддерживая защитника. Вопрос был субъективный. Однако Гамаш не стал бы называть его несущественным.

Удивился ли он?

Разумеется, он удивился, когда увидел, кто стоит на крыльце его дома в квебекской деревушке. Трудно было сразу понять, кто этот человек в теплой куртке, с капюшоном на голове. Мужчина или женщина? Молодой или старый? Гамаш до сих пор слышал, как ледяные дробинки стучали по стенам его дома, когда холодный ноябрьский дождь перешел в снежную крупу.

И, вспоминая об этом сейчас, жарким июльским утром, он почувствовал холодок.

Да. Он удивился. Он не ждал такого визита.

А к тому, что случилось потом, слово «удивление» и близко не подходит.

– Я не хочу, чтобы мое первое дело об убийстве было оспорено в апелляционном суде, – тихо, так, чтобы слышал только Гамаш, произнесла судья Корриво.

– Думаю, теперь уже поздно, ваша честь. Дело началось в более высоком суде, там оно и закончится.

Судья Корриво пошевелилась в кресле, пытаясь обрести прежнее равновесие. Но что-то изменилось. За время этого короткого и приватного обмена репликами.

К словам, загадочным или нет, она привыкла. Выражение глаз Гамаша – вот что не давало ей покоя. И она спросила себя: знает ли он, что глаза его выдают?

Хотя судья Корриво не могла точно сказать, что она видит, она была уверена: старший суперинтендант Квебекской полиции не должен так выглядеть. В свидетельском кресле. Во время слушания дела об убийстве.

Морин Корриво едва знала Армана Гамаша. Только по отзывам. За прошедшие годы Корриво и Гамаш много раз проходили мимо друг друга в коридорах Дворца правосудия.

Она была готова к тому, что он не вызовет у нее симпатии. Охотник на других людей. Человек, который зарабатывал на жизнь смертью. Нет, сам он никого не убивал, но получал от чужой смерти выгоду.

Нет убийств – нет и Гамаша.

Она помнила одну случайную встречу, когда Гамаш еще был главой отдела по расследованию убийств, а она – адвокатом защиты. Они пересеклись в коридоре, и Морин опять пой-

мала его взгляд. Проницательный, внимательный, задумчивый. И опять увидела в его глазах что-то еще.

Он прошел мимо, чуть наклонив голову, чтобы слышать, о чем говорит его спутник. Более молодой мужчина, его заместитель, насколько ей было известно. Человек, который тоже сегодня присутствовал в суде.

А в коридоре тогда остался легкий аромат сандалового дерева и розовой воды. Еле осязаемый.

Морин Корриво вернулась домой и рассказала об этом своей партнерше:

– Я пошла следом за ним и несколько минут провела в зале суда, слушая его свидетельские показания.

– Зачем?

– Мне было любопытно. Я никогда не выступала против него в суде и подумала, что если мне это предстоит, то нужно хорошо подготовиться. К тому же у меня было немного свободного времени.

– Ну и?.. Что он собой представляет? Постой, попробую догадаться. – Джоан взялась за кончик носа, покрутила его и прогундосила: – Значитца, так: панк замочил того парня. Чего мы тут тратим время на дурацкий процесс, вы, желторотые блохастые трусы? Вздернуть его!

– Поразительно! – воскликнула Морин. – Ты там была, что ли? Да, он превратился в Эдварда Робинсона.

Джоан рассмеялась:

– Как ни крути, Джимми Стюарт и Грегори Пек никогда не смогли бы возглавить отдел по расследованию убийств.

– Это точно. На самом деле он вторил сестре Прежан.²

Джоан отложила книгу:

– На процессе?

– В своих показаниях.

Гамаш сидел в свидетельском кресле, спокойный, непринужденный, но не расслабленный. Он выглядел представительно, хотя по первому впечатлению красавцем не был. Крупный мужчина в хорошо сшитом костюме. Он сидел прямо и слушал внимательно. Уважительно.

Его волосы, в основном уже поседевшие, были аккуратно подстрижены, лицо чисто выбрито. Даже с галереи Морин Корриво видела глубокий шрам у его виска.

А потом он произнес эти слова: «Ни один человек не может быть так же плох, как самые худшие его деяния».

– С какой стати он вдруг стал цитировать монахиню, выступающую против смертной казни? – спросила Джоан. – Причем именно те самые слова?

– Я думаю, это была тихая мольба о снисходительности.

– Угу, – сказала Джоан и задумалась на секунду. – Конечно, верно и противоположное. Ни один человек не может быть так же хорош, как самые лучшие его деяния.

И вот теперь судья Корриво сидела в своей шелковой мантии в судейском кресле. И пыталась понять, какие мысли бродят в голове старшего суперинтенданта Гамаша.

Прежде она никогда не находилась так близко к нему, да еще и на протяжении столь долгого времени. Глубокая отметина на его виске оставалась на том же месте и, конечно, всегда будет там оставаться. Словно клеймо, поставленное на Гамаше его работой. Вблизи судья Корриво видела морщины в уголках рта. И возле глаз. Линии жизни. Линии смеха. У нее они тоже были.

Мужчина на вершине карьеры. Раскованный. В мире со всем, что он делал прежде и должен сделать теперь.

² Хелен Прежан (р. 1939) – католическая монахиня, общественный деятель; активно выступает за отмену смертной казни.

Но что в этих глазах?

Тот взгляд, который она поймала когда-то давно в коридоре Дворца правосудия, оказался настолько неожиданным, что Морин Корриво последовала за Гамашем и выслушала его свидетельские показания.

В том взгляде была доброта.

Однако сегодня она видела в его глазах что-то другое. Тревогу. Не сомнение, подумала она. Но он явно был встревожен.

А теперь и судья Корриво начала тревожиться, хотя и не могла сказать почему.

Она отвернулась от него, и они оба сосредоточили внимание на прокуроре. Он играл авторучкой, а когда попытался прислониться задницей к своему столу, судья Корриво гневно посмотрела на него, и он тут же выпрямился. И положил ручку.

– Позвольте, я задам вопрос иначе, – сказал он. – Когда у вас впервые появились подозрения?

– Как и большинство убийств, это убийство началось задолго до фактического действия, – ответил Гамаш.

– То есть вы знали, что убийство произойдет, еще до того, как оно случилось?

– Non. Нет, конечно.

«Нет?» – спросил себя Гамаш. Как спрашивал себя каждый день после обнаружения тела. Но на самом деле он спрашивал себя, как он мог не знать.

– И теперь следующий вопрос, старший суперинтендант: когда вы узнали? – В голосе Залмановица прорезались нетерпеливые нотки.

– Я понял, что что-то не так, когда увидел на деревенском лугу фигуру в черном одеянии.

Слова Гамаша вызвали шумок в зале суда. Репортеры, собравшиеся у одной стены, склонились над ноутбуками. Со своего места Гамаш слышал стук клавиш на другом конце зала. Современный код Морзе, сообщающий о срочном послании.

– Под «деревней» вы подразумеваете Три Сосны, – сказал Залмановиц, глядя на журналистов, словно то, что прокурор знает название деревни, где жил Гамаш и где погибла жертва, заслуживало особого внимания. – К югу от Монреалья, у границы с Вермонтом, я верно говорю?

– Oui.

– Маленькая деревенька, насколько я понимаю.

– Oui.

– Милая деревенька? И спокойная?

Залмановицу удалось произнести слово «милая» так, что оно прозвучало как «унылая», а «спокойная» – как «скучная».

Гамаш кивнул:

– Да. Очень милая.

– И отдаленная.

В устах прокурора «отдаленная» прозвучало как «отсталая», словно чем дальше от крупного города, тем менее цивилизованной становится жизнь. И возможно, это так и есть, подумал Гамаш. Но он видел результаты так называемой цивилизации и знал, что в городах обитает не меньше зверей, чем в диких лесах.

– Не столько отдаленная, сколько в стороне от дорог, – пояснил Гамаш. – Если кто и попадает в Три Сосны, то главным образом потому, что заблудился. Это не такое место, которое вы проезжаете по пути куда-то.

– То есть оно на дороге в никуда?

Гамаш почти улыбнулся. Наверное, эта фраза должна была прозвучать как оскорбление, но она оказалась удивительно меткой.

Они с Рейн-Мари переехали в Три Сосны, привлеченные в первую очередь красотой деревни и ее расположением в стороне от оживленных дорог. Она была гаванью, убежищем,

чтобы скрыться от забот и жестокости мира, с которыми Гамаш сталкивался каждый день. Мира за лесом.

Они обрели здесь дом. Сделали деревню своим домом. Среди сосен и многолетних растений, деревенских лавочек и жителей деревни, которые стали их друзьями, а потом семьей.

Так что, когда на прелестном, спокойном деревенском лугу появилась темная фигура, пугавшая играющих детей, это показалось не просто странным. Не просто явлением незваного гостя. Это было надругательством.

На самом деле ощущение беспокойства возникло у Гамаша накануне вечером. Когда облаченное в черную мантию существо впервые появилось на ежегодном праздновании Хеллоуина в бистро.

Но настоящая тревога овладела Гамашем, когда на следующее утро он выглянул в окно спальни и увидел, что существо все еще здесь. Оно стояло на деревенском лугу. Смотрело на бистро.

Смотрело, и больше ничего.

Сегодня, много месяцев спустя, Арман Гамаш взглянул на прокурора в его черном одеянии. Потом на скамью защиты. На адвокатов в черных мантиях. И на судью в черной мантии, сидевшую сбоку от него и чуть выше.

И все они смотрели. На Гамаша.

Никуда было не деться от черных мантий.

– Вообще-то, это началось накануне вечером, – уточнил он свои показания. – На вечеринке по случаю Хеллоуина.

– Все надели маскарадные костюмы?

– Не все. Это было необязательно.

– А вы? – спросил прокурор.

Гамаш сверкнул на него глазами. Вопрос был неуместный. Но цель его состояла в том, чтобы слегка унизить старшего суперинтенданта.

– Мы решили прийти на праздник, переодевшись другими жителями.

– Вы и ваша жена? Вы оделись женщиной, а она мужчиной?

– Не совсем так. Мы тащили бумажки с именами из шляпы. Я вытащил Габри Дюбо, который вместе со своим партнером Оливье владеет местной гостиницей.

Арман с помощью Оливье позаимствовал у Габри его фирменные ярко-розовые мягкие тапочки и кимоно. Костюм был прост и чрезвычайно удобен.

Рейн-Мари оделась под их соседку Клару Морроу. Клара была весьма успешной художницей-портретисткой, хотя казалось, что пишет она главным образом себя.

Рейн-Мари начесала волосы, так что они встали дыбом, и затолкала туда печенье и сэндвич с ореховым маслом. В довершение всего она вся измазалась красками.

Клара же вырядилась своей подружкой Мирной Ландерс. Все были немного озабочены, не намажет ли она себе лицо черной краской, хотя Мирна сказала, что она ничуть не обидится, даже если Клара намажется вся.

Клара на сей раз не стала мазать себя краской. Вместо этого она надела кафтан из пыльных суперобложек старых книг.

В прошлом Мирна была психотерапевтом в Монреале, а теперь владела книжным магазином рядом с бистро – «Книги Мирны, новые и старые». У Клары была теория, что жители деревни специально придумывают себе проблемы, только чтобы прийти и посидеть с Мирной.

– Придумывают? – переспросила старая поэтесса Рут, сердито глядя на Клару. – Да у тебя целый склад проблем. Ты монополист на этом рынке.

– А вот и нет, – возразила Клара.

– Неужели? У тебя в скором времени персональная выставка, а ты, кроме говна, ничего к ней не подготовила. Если это не проблема, то я уж и не знаю тогда, какие бывают проблемы.

– Это не говно.

Впрочем, никто из друзей Клары не поддерживал ее в этом вопросе.

Габри пришел на Хеллоуин в образе Рут. Он нацепил седой парик и наложил на лицо столько косметики, что стал похож на персонажа из фильма ужасов. В дополнение он надел свалывшийся, траченный молью свитер и прихватил с собой набитую опилками игрушечную утку.

Весь вечер напролет он прихлебывал виски и бормотал стихи:

Вот дом пустой стоит на холме,
Ни ночь он не ждет, ни зарю,
А из дверей ни бе и ни ме,
Ни даже простого хрю-хрю.

– Это не мои, ты, мешок с дерьмом, – обиделась Рут.

Она надела свалывшийся, траченный молью свитер и прихватила с собой настоящую утку.

– «Травинке тонкой пою я оду, – продолжил Габри. – Она машет знаменем за свободу».

– Прекрати, – велела Рут. – Ты убиваешь мою музу.

– «Будут ли во времена грядущие, – не унимался Габри, – у меня такие же большие уши?»

Последнее слово он произнес как «ушие».

Даже Рут не смогла сдержать смех, а утка Роза у нее на руках пробормотала: «Фак-фак-фак».

– Я работал над этим весь день, – сказал Габри. – Сочинять стихи совсем нетрудно.

– Значит, это было тридцать первого октября прошлого года? – спросил прокурор.

– Non. Это было первого ноября. Вечером на Хеллоуин мы оставались дома, раздавали сладости детишкам.³ А вечеринка всегда на следующий день.

– Первого ноября. Кто еще присутствовал, кроме деревенских?

– Матео Биссонетт и его жена Леа Ру.

– Мадам Ру, политик, – уточнил прокурор. – Восходящая звезда в своей партии.

У себя за спиной месье Залмановиц услышал возобновившийся стук клавиш. Песню сирены. Доказательство того, что он сообщил нечто достойное названия «новости».

– Да, – подтвердил Гамаш.

– Это ваши друзья? Они оставались у вас?

Разумеется, прокурор знал ответы на все свои вопросы. Он задавал их ради присяжных и судьи. И репортеров.

– Non. Я с ними едва знаком. Они приехали с друзьями – Кэти и Патриком Эванс.

– Ах да. Эвансы. – Прокурор посмотрел в сторону скамьи защиты, потом опять на Гамаша. – Подрядчик и его жена архитектор. Они строят стеклянные дома, кажется. Тоже ваши друзья?

– Тоже знакомые, – твердым голосом поправил его Гамаш.

Ему не нравилось подобное передергивание.

– Конечно, – сказал Залмановиц. – А почему они оказались в деревне?

– Это была ежегодная встреча. Они дружат со школы. Учились в одной группе в Монреальском университете.

– Им всем теперь немного за тридцать?

– Oui.

³ Одна из традиций Хеллоуина состоит в том, что дети, одетые в костюмы монстров, ходят по домам и выпрашивают сладости.

– И как давно они приезжают в Три Сосны?

– Четыре года. Всегда в одну и ту же неделю в конце лета.

– Однако в этом году они приехали в начале ноября.

– Oui.

– Странное время для приезда. Листья опали, а снег для катания на лыжах еще не выпал.

Погода довольно тоскливая, правда?

– Может быть, номера в гостинице стали дешевле, – услужливо подсказал Гамаш. – Там довольно уютно.

Когда сегодня рано утром он уезжал из Трех Сосен в Монреаль, Габри, хозяин гостиницы, подбежал к нему с пакетом оберточной бумаги и кружкой кофе в дорогу:

– Если вам придется говорить о гостинице, то скажите что-нибудь вроде «прекрасная».

Или «прелестная».

Сказать так вовсе не означало солгать. Гостиница в помещении старой почтовой станции по ту сторону деревенского луга, с ее широкой верандой и высокими коньками на крыше, была прелестна. В особенности летом. Как и у всех других домов в деревне, у гостиницы был сад перед входом, где цвели старые многолетники: розы и лаванда, шпили наперстянки и душистые флоксы.

– Только не говорите «потрясающая», – посоветовал Габри. – Звучит агрессивно.

– А мы этого не хотим, – сказал Гамаш. – Вы же знаете, там слушается дело об убийстве.

– Знаю, – серьезно ответил Габри, передавая Гамашу кофе и круассаны.

И вот теперь Гамаш сидел в свидетельском кресле и слушал прокурора.

– Как эти одноклассники оказались в деревне в первый раз? – спросил месье Залмановиц. – Они что, заблудились?

– Нет. Леа Ру росла на глазах у доктора Ландерс. Мирна привыкла опекать ее. Леа и Матео несколько раз приезжали к Мирне, и деревня им понравилась. Они рассказали про Три Сосны друзьям и стали приезжать сюда на ежегодную встречу.

– Понятно. Значит, именно Леа Ру и ее муж затеяли все это. – Из уст прокурора это прозвучало крайне подозрительно. – А мадам Ландерс им помогла.

– Доктор Ландерс, и никто ничего не затевал. Совершенно обычная встреча друзей.

– Неужели? Вы называете то, что произошло, совершенно обычным?

– До прошлого ноября так все и было.

Прокурор кивнул с глубокомысленным видом, словно не вполне верил старшему суперинтенданту Гамашу.

«Это смешно», – подумала судья Корриво. Однако она видела, что на присяжных это производит впечатление.

И опять она задалась вопросом, зачем прокурор так поступает с собственным свидетелем. С главой Квебекской полиции, черт побери.

Атмосфера накалялась не только на улице, но и в зале суда. Судья Корриво посмотрела на старые кондиционеры в окнах. Они, конечно, не работали. Слишком шумные. Отвлекали бы.

Но жара тоже начинала отвлекать. А ведь еще и полдень не наступил.

– И когда же наконец все это показалось вам ненормальным, старший суперинтендант? – спросил Залмановиц.

Он снова сделал акцент на звании Гамаша, но теперь в тоне прокурора ощущался намек на некомпетентность.

– Это началось во время вечеринки на Хеллоуин в бистро, – сказал Гамаш, игнорируя провокацию. – Некоторые гости надели маски, хотя узнать их было нетрудно, особенно когда они начинали говорить. Лишь один был неузнаваем. Этот гость надел черное одеяние до самого пола и черную маску. Перчатки, сапоги. На голову натянул капюшон.

– Настоящий Дарт Вейдер, – заметил прокурор, и на галерее для зрителей раздался смешок.

– Мы тоже так думали поначалу. Но костюм был не из «Звёздных Войн».

– Тогда кого, по-вашему, изображал тот человек?

– Рейн-Мари... – Гамаш повернулся к присяжным. – Это моя жена.

Они кивнули.

– Рейн-Мари предположила, что это отец Моцарта из фильма «Амадей». Но у того была особая шляпа. А у этого – только капюшон. Мирна подумала, что он изображает священника-иезуита, однако креста на нем не было.

И вел он себя как-то необычно. Люди вокруг веселились, а он стоял столбом.

Вскоре люди начали заговаривать с ним. Спрашивали о его костюме. Пытались сообразить, кто он. Но это продолжалось недолго, и вскоре все начали сторониться его. Вокруг темной фигуры образовалось пустое пространство. Пришелец словно находился в собственном мире. Собственной вселенной. Где не было никакого Хеллоуина. Никаких празднующих. Никакого смеха. Никакой дружбы.

– А что подумали вы?

– Я подумал, что это Смерть, – ответил Арман Гамаш.

В зале суда воцарилось молчание.

– И что вы сделали?

– Ничего.

– Вот как? Тут заявляется с визитом Смерть, а глава Квебекской полиции, в прошлом старший инспектор отдела по расследованию убийств, ничего не предпринимает?

– Это был человек в маскарадном костюме, – терпеливо произнес Гамаш.

– Возможно, так вы подумали в тот вечер, – подхватил прокурор. – Но когда вы поняли, что это и в самом деле смерть? Позвольте высказать предположение. Когда стояли над телом?

Глава вторая

Нет. Фигура на вечеринке смущала, но плохое предчувствие у Гамаша действительно появилось только на следующее утро, когда он выглянул из окна спальни в промозглый ноябрьский день.

– На что ты смотришь, Арман? – поинтересовалась Рейн-Мари, подойдя к мужу.

Она тоже выглянула в окно и нахмурилась.

– Что он там делает? – спросила она вполголоса.

В то время как все разошлись по домам, чтобы лечь спать, человек в темной мантии этого не сделал. Никуда не ушел. Остался. И до сих пор там находился. Стоял на деревенском лугу в своей шерстяной мантии. И в капюшоне. Смотрел.

Из окна Гамашу не было видно, но он подозревал, что и маска осталась на своем месте.

– Не знаю, – ответил Арман.

Было субботнее утро, и он оделся как обычно. Брюки, рубашка и теплый осенний свитер. Наступил ноябрь, и погода не давала им забыть об этом.

День начался серым рассветом, как это часто случается в ноябре после ярких восходов и ярких осенних листьев октября.

Ноябрь – переходный месяц. Разновидность чистилища. Холодное влажное дыхание между умиранием и смертью. Между осенью и мертвой зимой.

Никто не любил ноябрь.

Гамаш надел резиновые сапоги и вышел наружу, оставив немецкую овчарку Анри и маленькое существо по имени Грейси в полном недоумении: они не привыкли, чтобы их не брали на прогулку.

На улице было холоднее, чем он предполагал. Даже холоднее, чем предыдущим вечером.

Он еще не успел дойти до луга, как руки у него заоченели, и он пожалел, что не надел перчатки и шапку.

Гамаш подошел к темной фигуре и остановился прямо перед ней.

Маска оказалась на месте. Не было видно ничего, кроме глаз. Но даже и глаза были скрыты какой-то сеткой.

– Кто вы? – спросил Гамаш.

Голос его звучал спокойно, даже дружелюбно. Абсолютно нормальная ситуация.

Во враждебности нет никакой нужды. Для этого еще будет время, если возникнет необходимость.

Однако человек продолжал хранить молчание. В его позе не было скованности. Его окружала аура уверенности, даже авторитетности. Он не только чувствовал себя здесь на своем месте, но даже как бы владел им.

Впрочем, Гамаш подозревал, что это ощущение создает скорее мантия, чем молчание человека.

Его всегда поражало, насколько молчание действеннее слов. Например, если нужно сбить кого-то с толку. Но он не мог позволить себе роскошь молчания.

– Почему вы здесь? – спросил Гамаш. Сначала по-французски, потом по-английски.

Потом он ждал ответа. Десять секунд. Двадцать. Сорок пять.

* * *

В бистро Мирна и Габри смотрели сквозь свинцовое стекло окна.

Смотрели на двух человек, уставившихся друг на друга.

- Отлично, – сказал Габри. – Арман избавится от него.
- Кто это? – спросила Мирна. – Он вчера был у тебя на празднике.
- Помню, но я понятия не имею, кто он такой. И Оливье тоже не знает.
- Уже закончили? – спросил Антон, мойщик посуды и помощник официанта.

Он потянулся к тарелке Мирны, на которой остались одни крошки. Но его рука замерла на полпути. Как и двое других, он уставился в окно.

Мирна посмотрела на Антона. Он появился недавно, но быстро здесь освоился. Оливье нанял его мыть посуду и помогать официанту, однако Антон ясно дал понять, что надеется стать шеф-поваром.

– Шеф-повар может быть только один, – доверительно сообщил Антон Мирне как-то раз, покупая в ее магазине старинные кулинарные книги. – Но Оливье нравится делать вид, будто их целая армия.

Мирна рассмеялась. Это было похоже на Оливье. Ему всегда хотелось производить впечатление, даже на людей, которые слишком хорошо знали его.

– У вас есть фирменное блюдо? – спросила она, выбивая чек на своем старинном кассовом аппарате.

– Я люблю канадскую кухню.

Мирна помедлила, глядя на него. Ему лет тридцать пять, прикинула она. Конечно, с такими амбициями и в таком возрасте уже не годится быть помощником официанта. Судя по речи, Антон был неплохо образован, он поддерживал хорошую физическую форму – стройный, атлетического сложения. Темно-каштановые волосы, коротко подстриженные по бокам и подлиннее сверху, придавали ему мальчишеский вид.

Определенно он был красив. И стремился стать шеф-поваром.

Будь она лет на двадцать моложе...

Почему бы девушке не помечтать? И она мечтала.

– Канадская кухня? А что это такое?

– Вот именно, – ответил Антон с улыбкой. – Никто толком не знает. Я думаю, это все, что рождает земля Канады. И ее реки. Здесь так много всего. Я люблю добывать корм.

При этих словах он плотоядно усмехнулся, как вуайерист, который говорит: «Я люблю смотреть».

Мирна рассмеялась, слегка покраснела и взяла с него доллар за обе книги.

И вот теперь Антон смотрел в окно, наклонившись над их столиком в бистро.

– Это что? – спросил он шепотом.

– Разве тебя не было вчера на празднике?

– Да, но я все время торчал в кухне. Не выходил.

Мирна перевела взгляд с существа на деревенском лугу на этого молодого человека. В бистро было полно веселящегося народа, а он мыл тарелки в кухне. Как в какой-нибудь викторианской мелодраме.

Словно прочитав ее мысли, Антон улыбнулся:

– Я мог бы выйти, но не люблю большие сборища. Меня устраивает и кухня.

Мирна кивнула. Она понимала его. «У нас у всех, – подумала она, – есть место, где мы чувствуем не только спокойствие, но и уверенность в себе». Таким местом для нее был книжный магазин. Для Оливье – бистро. Для Клары – мастерская.

Для Сары – пекарня. А для Антона – кухня.

Но порой ощущение спокойствия оказывалось иллюзией. Оно вроде бы защищало тебя, а на самом деле становилось твоей тюрьмой.

– Что он говорит? – спросил Антон, садясь рядом и показывая на Гамаша и человека в мантии.

* * *

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил Арман. – Может, вы хотели бы с кем-то поговорить?

Он не дождался ни ответа, ни какого-либо движения. Хотя и видел пар от дыхания, вырывающийся оттуда, где должен был находиться рот.

Свидетельство жизни.

Оно было постоянным. Как дым из трубы паровоза, мчащегося вперед.

– Меня зовут Гамаш. Арман Гамаш. – Он немного помолчал, прежде чем продолжить: – Я глава Квебекской полиции.

Кажется, он заметил движение глаз. Посмотрел ли на него этот человек, прежде чем ответить взгляд?

– Холодно, – сказал Арман, потирая замерзшие руки. – Давайте зайдем в дом. Выпейте кофе или, может, хотите яичницу с беконом? Я живу вон там.

Он показал на свой дом. Подумал, не уточнить ли, но понял, что этот человек уже знает, где он живет. Ведь Гамаш вышел оттуда. Вряд ли это было тайной.

Он ждал, что ответит человек в мантии на приглашение к завтраку, мельком подумав о том, как отреагирует Рейн-Мари, если он приведет домой нового друга.

Не получив никакого ответа, Арман протянул руку, чтобы ухватить незнакомца за запястье и попытаться увести его с собой.

* * *

В бистро смолкли все разговоры, утреннее обслуживание застопорилось.

Все – и клиенты, и обслуживающий персонал – не сводили глаз с двух человек, стоявших посреди деревенского луга.

– Он собирается утащить его оттуда, – сказал Оливье, присоединившись к ним.

Антон хотел подняться, но Оливье жестом усадил его обратно. Никакой спешки больше не было.

Все увидели, как Арман опустил руку, не прикоснувшись к человеку в черном.

* * *

Теперь Арман Гамаш и сам стоял совершенно неподвижно. И пока человек в мантии смотрел на бистро, книжный магазин, пекарню и гастроном месье Беливо, Гамаш смотрел на него.

– Будьте осторожны, – прошептал наконец Арман.

Он повернулся и зашагал к дому.

* * *

Фигура в мантии оставалась там весь день.

Арман и Рейн-Мари прошли мимо нее, направляясь к дому Клары.

Вокруг этого человека образовался невидимый ров. Жители понемногу начали выходить из домов и отправляться по своим делам. Но никто не приближался к границам большого круга, словно бы очерченного вокруг него.

Дети не играли на траве, а люди проходили мимо быстрее обычного, отводя глаза в сторону.

Анри, шедший на поводке, издал тихое рычание и спрятался за Арманом. Шерсть у него встала дыбом. Огромные уши сначала наклонились вперед, потом он прижал их к своей крупной и, следует признать, довольно пустой голове.

Все важное Анри держал у себя в сердце. А в голове у него по большей части было печенье.

Но овчарке хватило ума держаться подальше от фигуры в мантии.

Грейси, которую нашли вместе с ее братцем Лео в мусорном бачке за несколько месяцев до этого, тоже шла на поводке.

Она уставилась на фигуру, словно загипнотизированная, замерла и отказалась идти дальше. Рейн-Мари пришлось взять ее на руки.

– Мы должны что-то сказать? – спросила Рейн-Мари.

– Оставь его, – ответил Арман. – Наверное, он жаждет внимания. И возможно, уйдет, если не получит его.

Но Рейн-Мари заподозрила, что вовсе не по этой причине Арман предпочитает игнорировать незнакомца в черном. Просто он не хочет, чтобы она подходила близко к странному человеку. И по правде говоря, она тоже не хотела.

Все утро она ловила себя на том, что ее тянет к окну – проверить, не исчезла ли темная фигура. Однако фигура оставалась на лугу. Неподвижная. Незыблемая.

Рейн-Мари не знала точно, когда это произошло, но в какой-то момент она перестала думать о фигуре как о человеке. Все человеческое, что в нем было, испарилось. И фигура превратилась в «оно». В некое существо.

– Проходите в дом, – сказала Клара. – Вижу, наш гость все еще здесь.

Она пыталась казаться беззаботной, но это зрелище явно угнетало ее. Как и всех остальных.

– Арман, у вас есть идея, кто бы это мог быть?

– Никаких идей, к сожалению. Впрочем, я сомневаюсь, что он здесь надолго. Вероятно, это какая-то шутка.

– Вероятно. – Клара повернулась к Рейн-Мари. – Я поставила новые коробки у камина в гостиной. Думала, мы могли бы просмотреть их там.

Слово «новые» не вполне отражало действительность.

Клара помогала Рейн-Мари в бесконечном деле разбора и систематизации так называемых архивов местного исторического общества. Эти архивы представляли собой множество коробок, в которых лежали фотографии, документы, разные предметы. Собранные более чем за сто лет на чердаках и в подвалах. Принесенные с дворовых распродаж и из церковных кладов.

И Рейн-Мари подрядилась их разобрать. Это была та еще работенка. Но Рейн-Мари все устраивало. Прежде она работала старшим библиотекарем и архивистом в Национальном архиве Квебека. И, как и ее муж, была влюблена в историю. А особенно – в историю Квебека.

– Разделите с нами ланч, Арман? – спросила Клара. В кухне витал запах супа. – Я принесла багет из пекарни.

– Non, merci, я собираюсь в бистро.

Он показал ей книгу, которую держал в руках. Его дневной субботний ритуал. Ланч, пиво и книга перед камином в бистро.

– Только не от Жаклин, – сказала Рейн-Мари, показывая на багет.

– Нет, это от Сары. Я уверена. Хотя шоколадные пирожные с орехами, которые я купила, делала Жаклин. А это важно? – спросила Клара, нарезаая хрустящий багет. – Чтобы пекарь умел печь багеты?

– Здесь? Это жизненно важно, – ответила Рейн-Мари.

– Да, – закивала Клара. – Я тоже так думаю. Бедная Сара. Она хочет передать пекарню Жаклин, но я не знаю...

– Ну, может, шоколадных пирожных достаточно, – сказал Арман. – Наверное, я смог бы научиться размазывать сыр бри по шоколадному пирожному с орехами.

Клара поморщилась, но потом задумалась. А что, все возможно...

– Жаклин здесь всего несколько месяцев, – заметила Рейн-Мари. – Может, еще научиться.

– Сара говорит, с багетами дело такое: либо у тебя это есть, либо нет, – возразила Клара. – Что-то связанное с прикосновением, а еще с температурой рук.

– Они должны быть горячие или холодные? – спросил Арман.

– Не знаю, – ответила Клара. – Слишком много информации мне ни к чему. Я хочу верить, что багет – это волшебство, а не какая-то ошибка природы. – Она положила хлебный нож. – Суп почти готов. Пока он разогревается, не хотите ли взглянуть на мою последнюю работу?

Это было не похоже на Клару – предлагать взглянуть на ее работу, особенно если процесс еще идет. По крайней мере, когда Арман и Рейн-Мари неохотно прошли через кухню в мастерскую, они надеялись, что процесс действительно еще идет.

Обычно они радовались редкой возможности увидеть работу Клары, когда она создавала свои удивительные портреты. Но совсем недавно стало ясно, что ее представление о завершенной работе кардинально отличается от того, что под этим понимали все остальные.

Оставалось только гадать, что такого видела она, чего не видели другие.

Мастерская была погружена в темноту, окна впускали лишь северный свет, и в хмуром ноябре его отчаянно не хватало.

– Эти готовы, – сказала Клара, показывая в темноте на полотна, стоящие у стены.

Она включила свет.

– Ты уверена? – еле выдавила из себя Рейн-Мари.

Некоторые портреты казались законченными, однако волосы на них были едва обозначены карандашом. И на руках оставались пятна, кляксы.

Портреты по большей части были узнаваемы. Мирна. Оливье.

Арман подошел к портрету Сары, владелице пекарни, прислоненному к стене.

Изображение Сары было одним из наиболее завершенных. На ее морщинистом лице застыло то выражение желания быть полезной, которое Арман тут же узнал. Гордость, еле сдерживаемая. И в то же время Кларе удалось передать ее уязвимость. Сара словно боялась, как бы зритель не попросил у нее того, чего у нее нет.

Да, лицо, руки, поза – все очень подробно выписано. Но... Ее рабочий халат остался в наброске, без всяких деталей. Казалось, Клара потеряла интерес к портрету.

Грейси и Лео, ее брат, сражались на бетонном полу, и Рейн-Мари наклонилась, чтобы погладить их.

– Что это?

Все слегка сжались, услышав ворчливый голос.

В дверях стояла Рут с Розой на руках, указуя перстом в мастерскую.

– Господи Иисусе, какой ужас, – произнесла старая поэтесса. – Кошмар. Сказать «уродство» – значит ничего не сказать.

– Рут, – вмешалась Рейн-Мари, – кому, как не вам, знать, что творчество – это процесс.

– И не всегда успешный. Я серьезно. Что это?

– Это называется искусство, – сказал Арман. – И не обязательно, чтобы вам нравилось.

– Искусство? – с сомнением переспросила Рут. – Неужели? – Она нагнулась и позвала: – Иди сюда, Искусство. Иди сюда!

Они переглянулись. Даже для впадающей в деменцию Рут это было уже слишком.

И тут Клара рассмеялась:

– Она говорит про Грейси, – и показала на щенка, катающегося по полу в обнимку с Лео.

Хотя их нашли в одном мусорном баке, Лео, щенок Клары, рос очень красивой собакой. Золотистый, поджарый, короткошерстный – лишь на загривке шерсть была длиннее. Сейчас Лео был тощим и долговязым, но в нем уже чувствовалась царственная осанка.

С Грейси все было не так. Если отбросить излишнюю деликатность, она была самой страшенькой в выводке. В буквальном смысле. И возможно, даже не была собакой.

Никто не сумел определить это, когда Рейн-Мари несколько месяцев назад принесла Грейси в дом. Время шло, а ясности не появлялось.

Почти совершенно бесшерстная, если не считать разномастных клочков здесь и там. Одно ухо смело стояло торчком, другое висело. Голова ее, кажется, день за днем становилась все больше, а сама Грейси выросла очень мало. Иногда, на взгляд Рейн-Мари, она даже ужималась в размерах.

Но ее глаза ярко горели. И она понимала, что ее спасли от смерти. Ее восхищение Рейн-Мари не знало границ.

– Иди сюда, Искусство, – сделала еще одну попытку Рут, потом выпрямилась. – Не только уродливая, но и глупая. Своего имени не знает.

– Грейси, – сказал Арман. – Ее зовут Грейси.

– Господи боже, зачем же ты тогда сказал – Искусство?

Она взглянула на него так, словно деменция развивалась у него, а не у нее.

Они вернулись в кухню, где Клара помешала варившийся суп, а Арман поцеловал Рейн-Мари и направился к двери.

– Не спеши, Тинтин,⁴ – остановила его Рут. – Ты еще не рассказал нам о том существе, которое стоит посреди деревни. Я видела, ты с ним говорил. Что он тебе ответил?

– Ничего.

– Ничего?

Очевидно, для Рут мысль о том, что кто-то может держать рот закрытым, была абсолютно непостижимой.

– Но почему он все еще здесь? – спросила Клара, отбросив напускное безразличие. – Чего он хочет? Он что, целую ночь там простоял? Вы можете что-то с этим сделать?

– Почему небо голубое? – спросила Рут. – Правда ли, что пицца – итальянская еда? Ты когда-нибудь ела цветные мелки?

Все уставились на нее.

– Может, не будем задавать глупые вопросы? А если по существу, то ответы на твои вопросы таковы: не знаю, не знаю и Эдмонтон.⁵

– На нем маска, – сказала Клара Арману, игнорируя Рут. – Это уже ненормально. Он сам ненормальный. Больной на голову. Она повертела пальцем у виска. – С этим я ничего не могу поделать, – ответил Гамаш. – Законы Квебека не запрещают закрывать лицо.

– Но это не паранджа, – возразила Клара.

– Ради всего святого, – перебила ее Рут. – В чем проблема? Ты что, не видела «Призрак оперы»? Он вот-вот начнет петь, а мы сидим в первом ряду.

– Ты не воспринимаешь это всерьез, – сказала Клара.

– Очень даже воспринимаю. Просто я не боюсь. А вот невежество меня пугает.

– Ты о чем? – осведомилась Клара.

⁴ *Тинтин* – персонаж комиксов бельгийского художника Эрже, энергичный молодой репортер, впоследствии персонаж фильмов и книг.

⁵ *Эдмонтон* – столица канадской провинции Альберта. Почему Рут упомянула этот город, можно только догадываться.

– О невежестве, – повторила Рут, не слыша или делая вид, что не слышит предостережения в голосе Клары. – Все, что отличается от привычного, все, чего ты не понимаешь, немедленно воспринимается тобой как угроза.

– А ты, значит, образец терпимости? – спросила Клара.

– Ой, да ладно, – откликнулась Рут. – Есть же разница между «пугающий» и «угрожающий». Возможно, у него пугающий вид, готова с тобой согласиться. Но на самом деле он ничего не сделал. Если бы собирался, то, наверно, уже сделал бы.

Рут повернулась к Гамашу, словно ища поддержки, но он промолчал.

– Кто-то на Хеллоуин надевает в шутку костюм, – продолжила она, – при свете дня, и вам всем становится страшно. Тьфу. В Салеме вы бы дали себе волю.

– Ты подходил к нему ближе, чем кто-либо из нас, – обратилась Рейн-Мари к мужу. – Что это такое, по-твоему?

Он опустил глаза на щенков: они свернулись в клубок на полу, прижавшись к Анри, похрапывающему и ворчащему во сне. Арман частенько завидовал Анри. До тех пор, пока рядом с его миской с водой не ставили миску с сухим кормом. Тут всякая зависть кончалась.

– Что я думаю, не имеет значения, – ответил Арман. – Он наверняка вскоре исчезнет.

– Вот только не успокаивайте нас, – сказала Клара, слегка смягчив улыбкой раздражение в голосе. – Я вам продемонстрировала свое, – она показала на мастерскую, – теперь покажите мне свое.

– Это лишь впечатление, – ответил он. – Бессмысленное. На самом деле я понятия не имею, кто он и зачем здесь.

– Арман, – настойчиво произнесла Клара.

И он сдался.

– Смерть, – сказал он и посмотрел на Рейн-Мари. – Вот такие у меня ассоциации.

– Смерть с косой? – спросила Рут утробным голосом. – Мрачный Жнец? Он не указывал кривым пальцем?

Она подняла собственный костлявый палец и показала на Армана.

– Я же не говорю, смерть в буквальном смысле, – сказал он. – Но мне кажется, тот, кто надел этот костюм, хочет, чтобы мы провели такую параллель. Он хочет, чтобы мы боялись.

– И я догадываюсь чего, – сказала Клара.

– Вы все ошибаетесь, – возразила Рут. – Смерть вовсе не так выглядит.

– Откуда ты знаешь? – спросила Клара.

– Оттуда, что мы старые друзья. Он приходит почти каждый вечер. Мы сидим в кухне и болтаем. Его зовут Михаил.

– Архангел? – удивилась Рейн-Мари.

– Да. Все считают, будто смерть – это и есть то ужасное существо, но в Библии именно Михаил посещает умирающих и помогает им в последний час. Он прекрасен, с этими его крыльями, которые он плотно прижимает к спине, чтобы не перевернуть мебель.

– Давайте-ка уточним, – сказала Рейн-Мари. – К вам приходит архангел Михаил?

– Давай-ка уточним, – сказала Клара. – Ты читала Библию?

– Я читала все, – ответила Рут Кларе, потом повернулась к Рейн-Мари. – Да, он приходит. Но ненадолго. Он очень занят. Однако заходит выпить и посплетничать о других ангелах. Этот Рафаил, скажу я вам, тот еще тип. Отвратительный, жестокий старикашка.

Кто-то из них издал неуверенное «хм».

– И что вы ему говорите? – спросил Арман.

– Арман, – произнесла Рейн-Мари предостерегающим тоном.

Но он вовсе не собирался подшучивать над старухой. Его разбирало искреннее любопытство.

– Я рассказываю ему о вас. Показываю ваши дома и делаю кое-какие предложения. Иногда я читаю ему стихи. «Из школы домой в семейный ад – / путь невеселый подростка, – процитировала она, задрав голову к потолку в попытке вспомнить. – Куда его велосипед свернет, / доехав до перекрестка?»

Они помолчали несколько секунд, осознавая смысл слов, от которых у них перехватило дыхание.

– Это твое? – спросила Клара.

Рут кивнула и улыбнулась:

– Я знаю, что это процесс. Откровенно говоря, от Михаила проку мало. Он предпочитает лимерики.

Арман не сдержался и хохотнул.

– А перед рассветом он уходит, – сказала Рут.

– И оставляет тебя? – спросила Клара. – Это как-то неправильно.

– Подумай, о чем говоришь, – прошептала Рейн-Мари.

– Мое время еще не пришло. Пока даже не близко. Михаилу нравится быть в моем обществе, потому что я не боюсь.

– Мы все чего-то боимся, – возразил Арман.

– Я хотела сказать, что не боюсь смерти, – поправила Рут.

– Я думаю, это смерть боится ее, – сказала Клара.

* * *

– Дайте мне два таких, пожалуйста, – попросила Кэти Эванс, показывая на шоколадные пирожные с глазурью сверху.

Она помнила их с детства.

– А вам, мадам? – Жаклин повернулась к другой женщине.

К Леа Ру.

Она ее узнала; впрочем, ее почти все узнавали. Мадам Ру была членом Национального собрания Квебека, часто появлялась в новостях. У нее брали интервью на французском и английском в различных ток-шоу по всей провинции, интересовались ее мнением по разным вопросам. Она выражалась ясно и без всякой высокопарности. Шутливо, но без сарказма. Тепло, но без приторности. Она стала новой любимицей прессы.

И вот она здесь. В пекарне. Собственной персоной.

Обе женщины были крупными. То есть скорее высокими, чем крупными. Но в любом случае они определенно были личностями. В их присутствии маленькая женщина-пекарь просто терялась. Но если эти женщины были личностями, то Жаклин пекла хлеб. И как она подзревала, в данный момент это делало ее более значительной.

– Пожалуй, я возьму лимонный торт и наполеон, – сказала Леа, оглядывая ряд кондитерских изделий за стеклом.

– Довольно странно, – заметила Кэти, подходя к Саре, владелице пекарни, заменявшей в тот момент пирожные на витрине.

Нетрудно было догадаться, о чем она говорит.

Сара вытерла руки о передник и кивнула, посмотрев в окно:

– Я бы хотела, чтобы оно ушло.

– Кто-нибудь знает, что это такое? – спросила Леа сначала у Сары, которая отрицательно покачала головой, потом у Жаклин, которая тоже покачала головой и отвернулась.

– Это очень неприятно, – сказала Сара. – Не понимаю, почему никто ничего не делает. Арман должен как-то вмешаться.

– Вряд ли тут кто-то в силах помочь. Даже месье Гамаш.

Леа Ру заседала в комитете, утвердившем Гамаша в должности главы полиции Квебека. Она между делом сообщила, что знакома с ним. Встречались несколько раз.

Но вообще-то, почти все члены двухпартийного комитета знали Гамаша. Он много лет служил в качестве одного из старших офицеров Квебекской полиции и участвовал в разоблачении высокопоставленных полицейских, погрязших в коррупции.

Поэтому не было ни особой дискуссии, ни тем более возражений.

И два месяца назад Арман Гамаш принес присягу в качестве старшего суперинтенданта самой мощной полицейской организации в Квебеке. А может быть, во всей Канаде.

Но Леа Ру понимала, что при всей своей власти Гамаш абсолютно бессилен в данной ситуации с существом на деревенском лугу.

– Знаете, наши пирожные можно заказать в бистро, – сказала Сара, когда они уходили, и показала на коробочки в их руках. – Мы делаем поставки Оливье и Габри.

– Merci, – откликнулась Кэти. – Мы отнесем эти в книжный магазин, поделимся с Мирной.

– Она любит шоколадные пирожные с орехами, – сказала Сара. – После появления Жаклин пирожные пользуются большим успехом.

Она посмотрела на эту женщину, гораздо более молодую, – так гордая мать может смотреть на свою дочь.

Если закрыть глаза на багеты, приезд Жаклин стал вполне достойным ответом на молитвы Сары. Ей было под семьдесят, а она каждое утро вставала в пять, чтобы успеть приготовить хлеб, и затем весь день проводила на ногах. Такая нагрузка в ее годы становилась непомерной.

Заккрытие пекарни она даже не рассматривала как вариант. И полностью отходить от дел тоже не собиралась. Но рутинные обязанности она хотела переложить на кого-нибудь другого.

И вот три месяца назад появилась Жаклин.

Если бы только научить ее печь багеты.

* * *

– О, это мне нравится, – сказала Мирна, разливая чай, пока Леа раскладывала пирожные.

Потом они втроем уселись вокруг печки-плиты в магазине Мирны, на диване и в креслах перед окном. Из которого была видна фигура в мантии.

Поговорив об этом несколько минут и ни до чего не договорившись, они перешли к последнему проекту Кэти. Стеклянному дому на одном из островов Мадлен.

– Правда? – сказала Мирна с набитым пирожными ртом, что помешало ей выразить свое удивление более отчетливо. – На островах Мэгги, говоря по-простому?

– Да. Похоже, там много денег. Ловля омаров приносит хорошие доходы.

Леа вскинула брови, но ничего не сказала.

Богатство на островах, где прежде царила безнадежная бедность, создавал совсем другой продукт.

– Стеклянный дом на острове – это настоящий вызов, – заметила Мирна.

И в течение следующего получаса они говорили о погоде, географии, дизайне и домах. Проблемы строительства домашнего очага, а не просто жилища захватили Мирну, и она с восхищением слушала этих молодых женщин.

Ее интересовала Кэти. Нравилась ей. Но с Леа у нее была внутренняя связь, ведь много лет назад Мирна была ее няней.

В свои двадцать шесть лет Мирна заканчивала диссертацию и зарабатывала деньги где только можно, чтобы расплатиться за обучение. Шестилетняя Леа напоминала крохотного

мышонка. Ее родители разводились, и Леа, единственный ребенок, боялась выходить из дома. Из-за страха и неуверенности.

Мирна стала ее старшей сестрой, матерью, другом. Защитником и наставником. А Леа стала для нее младшей сестрой, дочерью, другом.

– Вы должны познакомиться с Антоном, – сказала Мирна, с удовольствием глядя, как Леа уплетает пирожные.

– С Антоном?

– Это новый мойщик посуды у Оливье.

– Он называет своих мойщиков посуды по имени? – усмехнулась Кэти. – Я своего называю Босхом.

– Правда? – сказала Леа. – А у меня Густав. Такой грязный, испорченный мальчишка.

– Ха, ха, ха, – произнесла Мирна раздельно. – Антон – личность, и вы это прекрасно знаете. Он хочет стать шеф-поваром. В частности, его интересует развитие кухни, основанной главным образом на местных продуктах.

– На деревьях, – подхватила Кэти. – На травах.

– Это тот англо, – вспомнила Леа. – Ням-ням. Я хочу с ним познакомиться. Думаю, есть кое-какие программы, которые будут ему полезны.

– Извини, – сказала Мирна. – Тебя, наверное, со всех сторон просят о помощи.

– Я не против помочь, – сказала Леа. – А если это означает бесплатную еду, то еще лучше.

– Отлично. Сегодня вечером?

– Сегодня не могу. Мы едем на обед в Ноултон. Но мы что-нибудь придумаем до отъезда.

– А когда вы уезжаете?

– Через пару дней, – ответила Кэти.

Мирна подумала, что это довольно неопределенно для людей, у которых явно все заранее распланировано.

* * *

Когда пекарня наконец опустела и выпечка была поставлена в духовку, Жаклин включила таймер.

– Вы не возражаете, если я...

– Да иди уже, – сказала Сара.

Жаклин не надо было сообщать, куда она собралась. Сара знала. И желала ей всего наилучшего. Если она и мойщик посуды поженятся, а он станет шеф-поваром, то и Жаклин останется.

Сара не гордилась этими эгоистичными мыслями, но, по крайней мере, она не желала Жаклин зла. На свете есть вещи гораздо хуже, чем выйти замуж за Антона.

«Если бы только Антон относился к Жаклин так же, как она к нему. Может, если она научится делать багеты... – подумала Сара, отскабливая столы. – Да. Это было бы неплохо».

В мире Сары хороший багет был волшебной палочкой, которая решала все проблемы.

Жаклин поспешила в кухню быстро по соседству. День подошел к своему пику, и они, вероятно, готовились к обеду. Но для мойщика посуды время пока было спокойное.

– А я как раз к тебе собирался, – сказал Антон. – Ты видела это?

– Трудно не увидеть.

Она поцеловала его в обе щеки, и он вернул ей поцелуй, но на такой же манер он мог поцеловать и Сару.

– Мы не должны сказать что-нибудь? – спросила Жаклин.

– Что сказать? – осведомился он, стараясь говорить сдержанно. – Кому?

– Месье Гамашу, разумеется, – ответила она.

– Нет, – твердо произнес Антон. – Обещай ничего такого не делать. Мы с тобой не знаем, что это...

– У нас есть довольно неплохая идея, – возразила Жаклин.

– Но мы не знаем точно. – Он еще понизил голос, когда шеф-повар посмотрел в его сторону. – Оно, вероятно, само уйдет.

У Жаклин были свои основания для беспокойства, но в данный момент ей показалась более важной реакция Антона на это существо.

* * *

Арман сидел в бистро и читал.

Он чувствовал на себе взгляды других посетителей. И у всех в глазах одно и то же.

«Сделайте что-нибудь с этой штукой на деревенском лугу».

«Пусть оно уйдет».

Какая им польза от такого соседа, как он? Глава Квебекской полиции – и не может их защитить!

Арман закинул ногу на ногу и прислушался к ворчанию огня в камине. Ему было тепло, он вдыхал приятный кленовый дымок и ощущал на себе пронизывающие взгляды соседей.

Хотя рядом с камином стояло удобное кресло, он разместился у окна. Откуда он мог видеть «оно».

Как и Рейн-Мари, он заметил, что с течением времени постепенно перестал думать о фигуре на лугу как о человеке. Человек превратился в «оно».

И Гамаш в большей степени, чем все остальные, понимал, насколько это опасно. Обесчеловечивать кого бы то ни было. Ведь независимо от странности поведения под этой мантией находился живой человек.

И еще его заинтересовала собственная реакция. Он хотел, чтобы оно ушло. Он хотел выйти на луг и арестовать это существо. Арестовать человека.

За какое преступление?

За нарушение своего личного покоя.

Бесполезно было говорить всем, что фигура не представляет для них никакой угрозы. К тому же Гамаш не знал, так ли это на самом деле. Но одно он знал твердо: в данной ситуации он бессилен. Тот факт, что он возглавляет Квебекскую полицию, сужал, а не расширял его возможности действовать.

* * *

Рейн-Мари стояла рядом с ним, когда он приносил присягу. Гамаш был в парадной форме с золотыми эполетами, золотой тесьмой и золотым ремнем. И с наградами, которые он неохотно надел. Каждая напоминала ему о событии, которого лучше бы не происходило. Однако оно произошло.

Он стоял целеустремленный, решительный.

Здесь были его сын и дочь. Его внуки тоже видели, как он поднял руку и поклялся быть верным службе, честности, справедливости.

Среди присутствующих, заполнивших большой зал Национального собрания, были их друзья и соседи.

Жан Ги Бовуар, его давний заместитель, а теперь еще и зять, держал на руках собственного сына. И смотрел.

Гамаш предложил Бовуару присоединиться к нему в департаменте старшего суперинтенданта. И снова стать его заместителем.

– Непотизм? – спросил Бовуар. – Великая квебекская традиция.

– Ты же знаешь, как я ценю традиции, – ответил Гамаш. – Однако ты вынуждаешь меня признать, что ты, как никто другой, подходишь для этой работы, Жан Ги, и комитет по этике со мной согласился.

– Для вас это будет неловко.

– Oui. Квебекская полиция теперь меритократия. Так что...

– Не обделайся?

– Я хотел сказать, не забывай про круассаны, но и про другие обязанности тоже помни.

И Жан Ги ответил: «Oui. Merci».⁶ И теперь наблюдал за тем, как старший суперинтендант Гамаш обменялся рукопожатием с председателем Верховного суда Квебека, а затем повернулся лицом к залу.

Арман Гамаш стоял теперь во главе многотысячной армии, чья задача состояла в защите провинции, которую он так любил. Населения, в котором он видел не жертву или угрозу, а братьев и сестер. Равных среди равных, заслуживающих уважения и защиты. А иногда подлежащих аресту.

– Несомненно, на этой службе есть чем заняться, кроме вечеринок с коктейлями и ланчей в тесном кругу, – сказал он как-то Мирне во время одного из их тихих разговоров.

Он и в самом деле провел последние два месяца в делах: встречался с главами разных отделов, входил в курс дела по разным сферам деятельности полиции: борьбе с организованной преступностью, наркотрафиком, убийствами, киберпреступностью, отмыванием денег, поджогами и многим другим.

Было совершенно очевидно, что преступность в провинции выше, чем он представлял. И ситуация становилась все хуже. Причем главную роль в усугублении хаоса играла наркоторговля.

Картели.

Ими было порождено большинство других проблем. Убийства, вооруженные нападения. Отмывание денег. Вымогательство.

Ограбления, преступления на сексуальной почве. Беспричинное насилие, совершаемое молодыми людьми в состоянии безысходности. Болезнь уже поразила города. Однако гниль распространялась и за их пределы, в сельскую местность.

Гамаш знал, что проблемы нарастают, но не представлял себе их масштабов.

До последнего времени.

Старший суперинтендант Гамаш проводил дни, погружаясь в зло, обман, трагедию, ужас. Потом он уезжал домой. В Три Сосны. В святилище. Посидеть с друзьями у огонька в бистро. Или с Рейн-Мари в уединении их гостиной. С Анри и забавным маленьким существом Грейси у ног.

В тепле и безопасности.

Пока не появилось это темное существо. Отказывавшееся исчезать.

* * *

– Вы пытались поговорить с ним еще раз? – спросил прокурор.

– И сказать что? – ответил вопросом старший суперинтендант Гамаш.

Со свидетельского места он видел людей на галерее, обмахивающихся веерами из листов бумаги, чтобы создать хоть какое-то подобие ветерка в этой удушающей жаре.

– Ну, вы могли бы спросить, что он там делает.

⁶ Да. Спасибо (фр.).

– Я уже спрашивал. И при других обстоятельствах вы бы спросили у меня, почему я, офицер полиции, нарушаю права гражданина, который просто стоит в парке и никого не трогает.

– Гражданина в маске, – уточнил прокурор.

– И опять же, ношение маски не преступление, – ответил Гамаш. – Хотя это абсолютно неестественно. И я не собираюсь вам говорить, будто меня это радовало. Отнюдь. Но я ничего не мог сделать.

После его слов по залу прокатился шумок. Кто-то соглашался, кто-то считал, что повел бы себя иначе. И уж конечно, глава полиции должен был что-то предпринять.

Гамаш слышал осуждение в этом шумке и понимал, чем оно обосновано. Но находившиеся сейчас в зале суда обладали полной информацией о случившемся.

И он по-прежнему знал, что никак не мог остановить это.

Смерть очень трудно остановить, если она взяла косу в руки.

– Чем вы занимались в тот вечер?

– Пообедали, посмотрели телевизор, потом мадам Гамаш легла спать.

– А вы?

– Я сварил кофе и ушел к себе в кабинет.

– Работать?

– Я не стал включать свет. Сидел в темноте и наблюдал.

* * *

Одна темная фигура наблюдала за другой.

У Гамаша, сидящего в своем кабинете, создалось впечатление, будто что-то немного изменилось.

Темная фигура шевельнулась, чуть изменила положение.

И теперь смотрела на него.

* * *

– Как долго вы там оставались?

– Час, может, больше. Наблюдать было трудно. Темная фигура в темноте. Когда я вывел погулять собак, его уже не было.

– Значит, он мог уйти в любое время? Даже сразу после того, как вы сели. Вы ведь не видели, как он уходил?

– Не видел.

– Вы не могли задремать?

– Мог, но, вообще-то, я человек, привычный к слежке.

– К наблюдению за другими. У вас с ним это общее, – сказал Залмановиц.

Эти слова удивили старшего суперинтенданта Гамаша, он вскинул брови, но кивнул:

– Пожалуй.

– А на следующее утро?

– Он вернулся.

Глава третья

Судья Корриво решила, что пришло время объявить перерыв.

Старшему суперинтенданту предстоит провести в свидетельском кресле немало дней. Объяснять, отвечать, подвергаться перекрестным допросам.

В зале заседаний к этому часу стало нестерпимо душно, и она, уходя, попросила охранника включить кондиционер на время перерыва.

Открывая сегодня утром заседание суда, Морин Корриво радовалась, что ее первое дело об убийстве в качестве судьи будет простым и понятным. Но теперь в ее голову начали закрадываться сомнения.

Не то чтобы она не могла следовать закону. Следовать закону было просто. Даже появление фигуры в мантии в деревне, пусть и странное, легко подверстывалось под ясные законы.

Но потеть сильнее, чем от стоявшей в зале невыносимой духоты, ее заставляла необъяснимая враждебность, так быстро развившаяся между прокурором и его же собственным свидетелем.

И не каким-то обычным свидетелем. Не каким-то обычным полицейским, который произвел арест. А главой всей Квебекской полиции, черт побери.

Прокурор не просто играл на нервах старшего суперинтенданта, он делал это с особой изощренностью. И месье Гамашу это не нравилось.

Судья Корриво еще не набралась судейского опыта, но, проработав немало лет адвокатом, стала опытным судьей человеческих действий и реакций. И природы.

В зале судебных заседаний происходило что-то еще, и судья Корриво твердо решила выяснить, что именно.

* * *

– Или я чего-то не понимаю, или процесс уже понемногу съезжает с рельсов? – спросил Жан Ги Бовуар, присоединившись к боссу в коридоре Дворца правосудия.

– Вовсе нет, – ответил Гамаш, отирая платком лицо. – Все идеально.

Бовуар рассмеялся:

– И под «идеально» вы имеете в виду *merde*.⁷

– Именно. Где Изабель?

– Уехала, – ответил Бовуар. – Организаторская работа в управлении.

– Хорошо.

Изабель Лакост служила главой отдела по расследованию убийств, которым прежде руководил Гамаш. И он, уходя, выбрал именно ее для этой работы. Назначение Изабель вызвало немало недовольства. Гамаша обвиняли в фаворитизме.

Они все знали эту историю. Гамаш принял Лакост на работу несколькими годами ранее, в тот самый момент, когда ее собирались уволить из Квебекской полиции. За то, что она была другой. За то, что не участвовала в фальсификациях. За то, что пыталась понять обвиняемых, а не ломать их.

За то, что опускалась на колени рядом с телом убитой женщины и обещала – так, что слышали другие, – помочь ей обрести покой.

⁷ Здесь: дерьмово (фр.).

Над агентом Лакост потешались, ее осуждали, объявляли ей выговоры и наконец вызвали в кабинет начальника, где она встретила лицом к лицу со старшим инспектором Гамашем. Он знал о необычном молодом агенте, над которым все смеялись, и пришел познакомиться с ней.

В результате ее не уволили. Гамаш забрал ее к себе, в самый престижный отдел Квебекской полиции. К неудовольствию ее прежних коллег.

И возмущение только усилилось, когда она получила звание старшего инспектора. Но вместо того чтобы отвечать критикам, как ее об этом просили некоторые подчиненные, Лакост просто продолжала делать свое дело.

И дело это, как она с кристальной ясностью понимала, действительно было простое, хотя и нелегкое.

Находить убийц.

Все остальное – белый шум.

Когда рабочий день заканчивался, старший инспектор Лакост возвращалась домой, к мужу и детям. Но не могла полностью отделаться от тревожных мыслей о работе, о жертвах и убийцах, разгуливающих на свободе. И точно так же, уезжая утром на работу, она не переставала думать о семье. Беспокоилась о том, в каком месте, в каком обществе окажутся близкие, когда покинут безопасный дом.

– Мне только что прислали эсэмэску, – сообщил Бовуар. – Изабель собрала всех в конференц-зале. Заказала сэндвичи.

Похоже, обеим частям этой информации он придавал одинаковое значение.

– Merci, – сказал Гамаш.

Коридоры заполнились служащими, свидетелями и зрителями – во Дворце правосудия настало обеденное время.

То тут, то там появлялась фигура в черной мантии.

Адвокаты. Или судьи. Тоже спешившие чем-нибудь перекусить.

Но это зрелище, к которому ему уже следовало привыкнуть, по-прежнему пугало его.

Инспектор Бовуар больше ничего не сказал об утреннем заседании. Застывшее на лице его босса выражение уверенности говорило ему все, что требовалось, относительно того, проходит ли заседание по плану. Или нет.

Старший суперинтендант Гамаш включил непроницаемость. Высокую, прочную стену вежливости, за которую не мог проникнуть даже его зять.

Бовуар точно знал, что скрывается за этой стеной, пытаясь выбраться наружу. И еще он знал, что главный прокурор не хочет, чтобы оно вышло.

Они быстро прошли по знакомым мощеным улочкам Старого Монреаля, нахоженной дорогой между их управлением и судом. Мимо низеньких аккуратных ресторанов, наполненных обедающими.

Жан Ги заглядывал в окна, но не останавливался.

Впереди располагалась штаб-квартира Квебекской полиции, здание над Старым городом. Оно возвышалось над ним.

Не самое привлекательное сооружение, думал Бовуар. Зато удобное. Там, по крайней мере, работают кондиционеры.

Гамаш и Бовуар вышли из узенькой улочки на площадь перед собором Монреальской Богородицы, запруженную туристами, которые фотографировались перед собором.

Когда пройдут годы, они увидят на фотографиях великолепное сооружение и множество потных людей в шортах и сарафанах, ошалевших от жары и солнца, раскалившего брусчатку.

* * *

Они вошли в штаб-квартиру полиции и сразу же почувствовали поток кондиционированного воздуха. То, что должно было бы принести облегчение, отдохновение, свежесть, на самом деле воспринималось как удар снежка в лицо.

Агенты в холле отдали честь шефу, и Гамаш с Бовуаром быстро прошли к лифту. К тому времени, как они добрались до последнего этажа, их лица были залиты потом. Кондиционеры оказали неожиданный эффект, словно открыв шлюзы в системе потоотделения.

Гамаш и Бовуар вошли в кабинет старшего суперинтенданта с окнами во всю стену, откуда открывался вид на Монреаль и дальше, за реку Святого Лаврентия, на плодородные поля и горы на горизонте, за которыми лежал Вермонт.

Ворота в Соединенные Штаты.

Гамаш помедлил немного, глядя на стену гор. Непроходимыми они казались лишь на расстоянии.

Потом он открыл ящик и предложил Бовуару чистую сухую рубашку.

Бовуар отказался:

– Я в порядке. Ведь я не сидел на свидетельском месте. – Бовуар направился к двери. – Буду в конференц-зале.

Гамаш быстро переоделся в свежую рубашку и присоединился к Бовуару, Лакост и остальным.

Когда он вошел, они встали, но он дал им знак сесть, прежде чем занял свой стул.

– Расскажите, что вы знаете.

Следующие полчаса он слушал и кивал. Задавал вопросы. Впитывал информацию.

Эти мужчины и женщины, выдернутые из разных отделов, были специально и тщательно подобраны. И знали это.

Начиналась новая эра. Новая Квебекская полиция. Работа Гамаша состояла не в том, чтобы сохранить статус-кво. Но и не в исправлении ошибок.

Его работа состояла в создании нового. И хотя преемственность опыта играла важную роль, гораздо важнее было иметь надежный фундамент.

Офицеры в зале были тем фундаментом, на котором создавалась совершенно новая Квебекская полиция. Сильная. Прозрачная. Отзывчивая. Порядочная.

Он был ее создателем, и гораздо более заинтересованным, чем его предшественники, часть из которых построила гнилую коррупционную систему, а другая часть просто позволила этому случиться, сидела сложа руки. Или боялась возразить.

Гамаш не сидел сложа руки и требовал, чтобы его примеру следовали старшие офицеры его отдела.

И требовал, чтобы они не боялись спорить. С ним. С его планами. Друг с другом. С самими собой. И многие действительно спорили с новым шефом, спорили яростно, когда вскоре после вступления в должность и изучения их досье и других материалов он открыл им реальное положение дел.

«Ситуация ухудшается, – сказал он. – Сильно ухудшается».

Совещание проходило почти год назад. В этом же конференц-зале.

Они смотрели на него, пока он объяснял им, какой смысл вкладывает в слова «сильно ухудшается». Некоторые не могли осознать это. Другие прекрасно понимали, о чем он говорит. Выражение их лиц менялось с недоуменного до потрясенного.

Он выслушал их протесты, их аргументы. А затем сказал кое-что, хотя поначалу надеялся, что этого не понадобится. Он не хотел расшатывать их уверенность или обескураживать. Или подрывать их преданность делу.

Но теперь он видел, что им необходимо знать. Они заслужили это знание.

«Мы проиграли».

Они посмотрели на него непонимающе. Потом некоторые, слушавшие его доклад внимательно, побледнели.

«Мы проиграли, – ровным голосом повторил он. Спокойно. Уверенно. – Войну с наркотиками мы проиграли давно. Это уже было достаточно плохо, но что еще хуже, пошла цепная реакция. Если наркотики не контролируются, то вскоре из-под контроля выйдет весь преступный мир. Этот час еще не настал. Но он настанет. С той скоростью, с какой развивается этот процесс, с какой он нарастает, через несколько лет нас просто сметет».

Они, конечно, возражали. Не хотели видеть этого. Принимать. И он тоже не хотел, когда впервые собрал всю информацию. Свел воедино все сведения. Прежде отделы конкурировали друг с другом, охраняли свою территорию. Они не хотели делиться информацией, статистикой. В особенности такой, которая выставляла их в дурном свете.

Гамаш понял, что он первый соединил все эти сведения. Получил полную картину.

Не так ли чувствует себя капитан большого корабля, когда он один знает, что судно тонет? Для всех остальных все в порядке. Все идет своим чередом.

Но он знает, что холодные воды невидимо поднимаются.

Поначалу Гамаш тоже не хотел верить. Снова и снова перечитывал документы. Проверял цифры. Выводы.

И вот в один из дней ранней осени, у себя дома в Трех Соснах, он просмотрел последнюю папку, поднялся со стула и отправился прогуляться.

Один. Без Рейн-Мари. Без Грейси. Без Анри, который озадаченно остался стоять у двери, держа мячик в зубах.

Гамаш дошел до скамьи наверху холма, откуда открывался вид на долину. На леса. На горы, часть которых находилась в Квебеке. А часть – в Вермонте.

Границу между Канадой и Штатами отсюда было не разглядеть.

Он опустил голову на руки. И сидел так, отключившись от всего мира. От своего знания.

Потом он поднялся и пошел дальше. Он ходил несколько часов.

Пытаясь найти решение.

Может, выбить бюджет побольше? Принять больше агентов? Бросить больше ресурсов на преодоление кризиса?

Наверняка имелось какое-то решение. Ситуация не могла быть совсем безнадежной.

Остановился он, лишь когда встретил себя. Армана, который прежде стоял на обочине тихой дороги бог знает где и ждал. На пересечении истины и самообольщения.

Там, где прямая дорога делала поворот.

И тут он понял. Они все падали на дно. Не только Квебекская полиция, но и вся провинция. И не только его поколение, но и следующее. И следующее за ним. Его правнуки.

Если поток преступности затопил его по шее, то их накроет с головой.

И он понял кое-что еще. То, что предпочел бы не знать вообще, но теперь не мог отрицать.

Невозможно было сделать хоть что-нибудь. Они прошли точку невозврата. И даже спасательной лодки нигде не было видно. Коррупция в правительстве и полиции сделала свое дело.

«Как же нам быть теперь? – спросил один из офицеров постарше. – Сдаться?»

«Нет. У меня нет решения. Пока нет. Поэтому мы должны напрячься, делать наше дело, общаться. Собирать информацию и делиться ею».

Он обвел всех суровым взглядом.

«И еще мы должны пытаться найти креативные решения. Приходите ко мне со всем, что надумаете. С чем угодно. Каким бы сумасшедшим вам оно ни казалось».

Покидая зал, он оставлял за собой не то чтобы отчаяние, нет. И не панику, но состояние, близкое к панике.

* * *

И вот, много месяцев спустя, они снова сидели в том же конференц-зале.

Тогда они все были погружены в беспросветный мрак. Теперь они были близки, очень близки к первой важной победе.

Однако все зависело от проходящего судебного процесса. От его результата, но также и от его хода.

Превратным образом, когда дела обстояли хуже некуда, на поверхности все выглядело превосходно. Квебек и его полиция функционировали, как им и полагается.

А теперь, когда появился луч надежды, казалось, что ситуация выходит из-под контроля.

Ведущие политики и некоторые средства массовой информации в последнее время стали замечать некую ловкость рук со стороны главы Квебекской полиции.

Шли аресты. И какое-то время это вызывало откровенную радость у политиков и их электората.

До тех пор, пока телевизионное шоу «Enquête»⁸ на «Радио Канада» не провело свое расследование и не обнаружило, что арестовывают главным образом за мелкие и средней тяжести преступления.

– Объясните это, – потребовал премьер-министр Квебека, вызвав старшего суперинтенданта Гамаша в свой офис в Квебек-Сити на следующий день после выхода программы.

Премьер швырнул на стол толстую папку. Даже от двери Гамаш понял, что это такое.

Распечатка последнего ежемесячного отчета о деятельности Квебекской полиции.

– Я проверил. Это долбаное «Enquête» право, Арман. Да, аресты идут, и, слава богу, вы еще умеете арестовывать убийц, но остальные? После вашего утверждения в должности другие отделы не арестовали ни одной важной фигуры из преступного мира. Ни глав мотоциклетных банд, ни боссов организованной преступности. Ни наркобаронов. Не случилось ни одного захвата партии наркотиков. Чем вы там, черт побери, занимаетесь?

– Вы, как никто другой, должны знать, что статистика... – Гамаш кивнул на папку, – не отражает всю историю.

– Хотите сказать, что это ложь? – Премьер положил руку на папку.

– Non, не ложь. Однако и не вся правда.

– Вы собираетесь и дальше занимать эту должность? Что это за тарабарщина? Я не знал, что вы так любите увиливать от ответа.

Он сердито смотрел на Гамаша, который тоже смотрел на премьера, но молчал.

– Что у вас на уме, Арман? Боже милостивый, только не говорите, будто «Enquête» право.

Создатели телепрограммы не перешли черту откровенной клеветы, хотя и были на грани обвинения Гамаша в некомпетентности или в использовании организованной преступности, как это делали его предшественники.

– Нет, – сказал Гамаш. – Я понимаю, как они могли прийти к такому выводу. Или как у них могли возникнуть подозрения. Но «Enquête» не право.

– Тогда в чем дело? Пожалуйста, ответьте. Дайте мне что-нибудь. Что угодно. Кроме этой кучи говна. – Он оттолкнул от себя папку с такой силой, что она упала со стола. – Вы намеренно устроили дымовую завесу из арестов, чтобы все выглядело хорошо, пока кто-нибудь не поймет, что все это мелочовка. Пока это долбаное «Enquête» не докопалось до правды.

– Мы арестовываем убийц.

⁸ «Расследование» (фр.).

– Мои поздравления, – сухо произнес премьер.

Они давно знали друг друга. С тех времен, когда Гамаш был начинающим агентом, а премьер стажировался в фирме юридической помощи.

– Они называют вас худшим старшим суперинтендантом за всю историю. А это серьезное обвинение.

– Безусловно, – сказал Гамаш. – Но поверьте мне, я делаю кое-что. Действительно делаю.

Премьер заглянул ему в глаза – не лжет ли он.

Гамаш наклонился и поднял с пола отчет о работе полиции. Он вернул папку премьеру. В ней было много цифр, но за ними не стояли конкретные дела.

– Моя собственная партия начала сужать круги, почуяв кровь, – сказал премьер. – Вашу или мою. Им в принципе все равно. Но им нужно действие или жертва. Вы должны сделать что-то, Арман. Дайте им то, чего они хотят. Чего они заслуживают. Арест какой-нибудь крупной фигуры.

– Я делаю кое-что.

– Это... – премьер на удивление мягко положил руку на папку, – не «кое-что». Даже близко не лежало. Пожалуйста. Я вас прошу.

– И я вас прошу. Доверьтесь мне, – тихо сказал Арман. – Вам придется перевести меня через финишную черту.

– И что это значит? – спросил премьер, тоже переходя на шепот.

– Вы знаете.

И премьер, который любил Квебек, но любил и власть, побледнел. Поняв, что он, возможно, должен будет сдать одно, чтобы сохранить другое.

Арман Гамаш посмотрел на хорошего человека, сидящего напротив него, и спросил себя, кто из них переживет следующие несколько месяцев. Недель. Дней. Когда в День святого Иоанна Крестителя в конце июня небо расцветет фейерверками, кто из них будет стоять и любоваться этим зрелищем?

Кто из них вообще будет еще стоять?

Старший суперинтендант Гамаш приехал поездом в Монреаль и прошел с вокзала по Старому городу до штаб-квартиры полиции. Несколько голов повернулись ему вслед, узнав его по популярному, к несчастью, шоу, вышедшему в эфир прошлым вечером.

А может, они помнили его по прежним появлениям на экране.

Еще до того, как стать главой Квебекской полиции, Арман Гамаш был самым узнаваемым полицейским офицером в Квебеке.

Но если раньше он ловил на себе взгляды узнавания и уважения, то теперь в них вкралось подозрение. Даже удивление. Еще немного – и он станет предметом осмеяния.

Однако Арман Гамаш мог видеть дальше этих взглядов – он мог заглянуть за финишную черту.

* * *

Стояла середина июня. Тот разговор с премьером состоялся почти день в день месяц назад. А теперь Гамаш посмотрел на часы и встал:

– Пора возвращаться в суд.

– Как там идут дела, patron? – спросила Мадлен Туссен, глава отдела по расследованию особо тяжких преступлений.

– Как и ожидалось.

– Настолько плохо?

Гамаш улыбнулся:

– Настолько хорошо.

Их взгляды встретились, и она, помедлив, кивнула.

– Вы тут ждите сообщения от информатора с островов Мадлен, – сказал он, стараясь говорить не слишком обнадеживающим тоном.

Или правильнее сказать «не слишком безнадежным»?

Туссен упомянула об этом в ходе заседания. К ее словам отнеслись с интересом, но без особого энтузиазма. Лишь немногие из них понимали, что может означать сообщение, которого они ждут.

– Когда ты его получишь? Мы успеем провести по нему заседание в конце дня? – спросил Бовуар.

– Надеюсь. Все это вроде как зависит от того, что происходит на процессе, верно? – сказала Туссен.

Гамаш кивнул. Да. Зависит.

Суперинтендант Туссен вернулась в свой кабинет, а Бовуар и старший инспектор Лакост остались с Гамашем.

– Относительно процесса, – сказала Лакост, собирая бумаги. – Никогда не видела прокурора, который бы так гонял собственного свидетеля. И судья наверняка не видела. Она новенькая в судейском сообществе, но недооценивать ее не следует.

– Ни в коем случае, – ответил Гамаш, который видел проницательный взгляд судьи Корриво.

Они прошли по коридору и сели в подошедший лифт. Лакост вышла на своем этаже.

– Удачи, – сказала она Гамашу.

– И тебе, – ответил он.

– Почти приехали, patron, – сказала Изабель, когда дверь уже закрылась.

«Почти приехали», – подумал Гамаш. Но он знал: большинство происшествий случается, когда дом совсем рядом.

* * *

– Старший суперинтендант Гамаш, сегодня утром вы показали, что фигура вернулась на деревенский луг Трех Сосен на следующий день. Какие у вас при этом возникли чувства?

– Возражаю. Вопрос несущественный.

Судья Корриво ответила не сразу:

– Я оставляю вопрос. На процессе речь должна идти о фактах, но чувства – тоже факты. Старший суперинтендант Гамаш обдумал ответ:

– Я почувствовал злость из-за того, что покой нашей деревни осквернен. Нарушен наш привычный образ жизни.

– Однако тот человек просто стоял там.

– Верно. Вы спросили, что я чувствовал, и я дал вам ответ.

– Вы его опасались?

– Может быть, немного. Наши мифы так глубоко сидят в нас. Он походил на Смерть. Разумом я понимал, что это глупости, но внутри чувствовал какой-то холодок. Это было... – он задумался в поисках подходящего слова, – что-то инстинктивное.

– И все-таки вы ничего не предприняли.

– Как я уже говорил до перерыва, я ничего не мог сделать, разве что поговорить с ним. Если бы мог, непременно сделал бы.

– Неужели? Судя по последнему отчету о деятельности Квебекской полиции, это не совсем так.

Его слова вызвали откровенный смех в зале.

– Хватит, – сказала судья Корриво. – Подойдите ко мне.

Прокурор подошел.

– Я не допущу, чтобы на моем процессе так неуважительно относились к его участникам. Вам ясно? Это позор – для вас, для прокурорского корпуса и для суда. Вы должны извиниться перед старшим суперинтендантом.

– Прошу прощения, – сказал прокурор, затем повернулся к Гамашу. – Приношу свои извинения. Я позволил удивлению взять верх надо мной.

Судья раздраженно вздохнула, но замечания делать не стала.

– Merci. Принимаю ваши извинения, – сказал Гамаш.

Но он продолжал смотреть на прокурора так пристально, что тот сделал шаг назад. Присяжные и публика не могли не заметить ни этого взгляда, ни этой реакции.

Бовуар на галерее одобрительно кивнул.

– Итак, на следующее утро вы снова с ним заговорили? – продолжил допрос Залмановиц. – Что вы ему сказали?

– Я снова попросил его побереечь себя.

– Но явно не от вас, – заметил прокурор.

– От человека, из-за которого он делает все это.

– Значит, вы больше не считали происходящее шуткой?

– Будь это шуткой, я думаю, он бы не вернулся. Своим первым появлением он уже достаточно напугал деревню. Будь это шуткой, пусть даже недоброй, одного раза хватило бы. Нет, тут все было глубже. В его действиях просматривалась настойчивость. Целеустремленность.

– Вы считаете, что у него в мыслях было какое-то зло? – спросил прокурор.

Этот вопрос был потруднее, и старший суперинтендант задумался. Потом покачал головой:

– На самом деле я не знал его намерений. Да, казалось, что какой-то злой умысел есть. Он специально надел пугающий костюм. Но было ли у него на уме какое-то насильственное действие? Если да, то зачем выставлять его напоказ? Зачем облачаться в одежды Смерти? Почему просто не совершить задуманное под покровом ночи? Причинить какой-то ущерб, даже убить? Зачем стоять на всеобщем обозрении?

Гамаш уставился перед собой, погружившись в размышления.

Прокурор, похоже, растерялся. Он еще не сталкивался с тем, чтобы кто-то на свидетельском месте предавался размышлениям. Свидетели давали четкие ответы, говоря отретпетированную правду или запланированную ложь.

Но чтобы думать – такое случалось редко.

– Конечно, нанесение ущерба – понятие растяжимое, верно? – сказал Гамаш не столько прокурору, сколько самому себе.

– Но каковы бы ни были первоначальные намерения, дело закончилось убийством, – констатировал месье Залмановиц.

Гамаш снова сосредоточил свое внимание, но не на прокуроре. Он посмотрел на скамью подсудимых, на человека, обвиняемого в убийстве.

– Да, так и есть.

Может быть, подумал он (хотя и не сказал), просто убить было недостаточно. Может быть, цель состояла в том, чтобы сначала запугать. Как это делают шотландцы, идя в бой со своими пронзительными волынками, или маори с их ритуальным танцем хака.

«Это смерть, это смерть», – поют они. Чтобы повергнуть врага в ужас, чтобы парализовать его.

Темное существо было не предупреждением, а предсказанием.

– Насколько я понимаю, вы его сфотографировали, – сказал прокурор, шагнув к своему свидетелю и встав между Гамашем и обвиняемым лицом. Намеренно прерывая зрительную связь между ними.

– Да, – ответил Гамаш, переводя взгляд на прокурора. – Я отправил фотографию моему заместителю. Инспектору Бовуару.

Прокурор обратился к секретарю суда:

– Вещественное доказательство «А».

На большом экране появилось изображение.

Если прокурор предполагал, что зал ахнет, увидев фотографию, то его ждало разочарование.

У него за спиной стояла полная и совершенная тишина, как будто все зрители исчезли. Тишина была столь оглушительной, что прокурор повернулся, чтобы убедиться, что люди все еще сидят в зале.

Все до последнего, они ошарашенно смотрели на экран. Некоторые с разинутым ртом.

На экране была тихая деревенька. Листья с деревьев уже облетели, оставив голые ветви. На лугу росли три громадные сосны.

По контрасту с ярким солнечным днем за окнами Дворца правосудия на фотографии был запечатлен пасмурный день. Серый и сырой. Отчего дома из плитняка, дома, обшитые сайдингом, и дома из розового кирпича, с их веселыми огоньками в окнах, выглядели более привлекательными.

Это мог бы быть образ полной благодати. Даже святилища. Мог бы, но не стал.

В самом центре фотографии находилась черная дыра. Словно что-то вырезали из снимка. Из мира.

За спиной прокурора раздался вздох. Долгий, протяжный, словно жизнь утекала из зала судебных заседаний.

Большинство из них впервые увидели это темное существо.

Глава четвертая

– Ну что? – спросил Матео Биссонетт, отвернувшись от окна и взглянув на Леа.

Они закончили завтракать в деревенской гостинице и теперь сидели в гостиной перед камином.

Несмотря на огонь и теплый свитер, Матео пробирал озноб.

– Гамаш только что его сфотографировал, – сказал он. – Если дальше ждать, это будет неважно выглядеть.

– Неважно? – повторила Леа. – Ты не хочешь сказать, еще хуже?

– Нужно было еще вчера что-то сказать, – вставил Патрик. Его голос, и в лучшие времена слегка визгливый, теперь звучал почти по-детски. – Они спросят, почему мы этого не сделали.

– Ладно, – произнес Матео, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться. – Значит, мы все согласны. Время пришло.

Его раздражало не столько то, *что* говорил Патрик, сколько то, *как* он говорил. Он всегда был самым слабым из них, но тем не менее всегда умел настоять на своем. Может быть, им хотелось, чтобы его нытье поскорее прекратилось, подумал Матео. Как скрежет ножом по стеклу. И потому они уступали.

А с годами ситуация лишь ухудшилась. Матео теперь хотелось не только наорать на Патрика, но и дать ему хорошего пинка.

Габри принес кофейник со свежим кофе и спросил:

– А где Кэти?

– Тут поблизости есть стеклянный дом, – ответил Патрик. – Не в классическом стиле, как наши, но все равно занятный. Она хочет его увидеть. Может пригодиться для дома, который мы строим на островах Мадлен.

Габри, задавший вопрос из вежливости, без всякого интереса удалился в кухню.

Матео посмотрел на свою жену Леа, на своего друга Патрика. Все трое были одногодками – по тридцать три, но они с Леа определенно выглядели старше, чем Патрик. Морщины. Седина. Они всегда так выглядели или стали такими после появления мантии и маски?

Когда они познакомились в университете, Леа была высокая и стройная, как ива. За эти годы она утратила былую стройность. Стала больше похожа на клен. Округлилась. Посолиднела. Ему это нравилось. Выглядело основательнее. Уменьшалась вероятность слез.

У них было двое детей, оставшихся дома с родителями Леа. Матео знал, что, когда они вернутся, это будет все равно что войти в логово хорька. Дети, находящиеся под сомнительным влиянием матери Леа, наверное, совсем одичали.

Но если откровенно, ничего страшного в этом не было.

– Гамаш в бистро со своей женой. Все услышат, – сказал Патрик. – Давайте лучше подождем.

– Но все и должны услышать, – сказала Леа, вставая. – Верно? Разве не в этом смысл?

Разговаривая, друзья не смотрели друг на друга. И даже на завораживающий огонь в камине. Все смотрели в окно гостиницы. На деревенский луг. Пустынный. Если не считать...

– Может, тебе лучше остаться? – предложила Леа Патрику. – А мы пойдем.

Патрик кивнул. Он вчера простудился, и у него все еще ломило кости. Он подтащил свое кресло поближе к огню и налил себе крепкого горячего кофе.

* * *

Арман Гамаш не смотрел на завораживающий огонь в большом камине бистро. Он смотрел в свинцовое стекло окна, с его дефектами и небольшим искажением. Смотрел на холодный ноябрьский день и на существо на деревенском лугу.

Создавалось впечатление, словно над ним поставили стеклянный купол наподобие тех, под которыми хранят чучела животных. Фигура в мантии стояла в полном одиночестве, изолированная, а деревня вокруг жила своей жизнью. Темное существо ограничивало свободу передвижения – все старались обходить его стороной.

Жители деревни были на грани. Нервничали. Косились на черную фигуру и тут же отворачивались.

Гамаш перевел взгляд в сторону и увидел Леа Ру и ее мужа Матео Биссонетта – они вышли из дверей гостиницы и быстро зашагали по дорожке. Их дыхание клубилось в морозном воздухе.

Они появились с шумом, потирая руки и плечи. Никто не ожидал, что в ноябре будет так холодно, и они не привезли с собой теплой одежды.

– Bonjour, – сказала Леа, подойдя к столику Гамашей.

Арман поднялся, Рейн-Мари кивнула и улыбнулась.

– Не возражаете, если мы к вам присоединимся? – спросил Матео.

– Прошу вас. – Рейн-Мари указала на свободные стулья.

– Вообще-то, – сказала Леа слегка смущенно, – я подумала, что Мирна не будет возражать, если мы поговорим в ее магазине. Вы согласны?

Арман посмотрел на Рейн-Мари. Их обоих удивило это предложение. Рейн-Мари встала.

– Если Мирна не против, то и я тоже, – сказала она. – Разве что...

Она сделала жест в сторону Армана, намекая, что, возможно, они хотят поговорить именно с ним. Рейн-Мари привыкла к этому. О некоторых вещах люди предпочитают рассуждать только копу и не хотят, чтобы мадам Коп их слышала.

– Non, non, – возразила Леа. – Пожалуйста, пойдемте с нами. Мы хотим, чтобы и вы услышали. Хотим узнать, что вы думаете.

Взяв свои чашки с кофе, Гамаша в недоумении последовали за Леа и Матео в книжный магазин Мирны.

Мирна ничуть не возражала.

– Утро сегодня тихое, – сказала она. – Очевидно, что Смерть, стоящая на посту посреди деревни, плохо влияет на бизнес. Придется обратиться в Коммерческую палату.

– Не уходи, – попросила ее Леа. – Твое мнение мы тоже хотели бы узнать. Правда, Матео?

Это прозвучало вовсе не как вопрос. И хотя сначала муж посмотрел на нее неуверенно, он быстро пришел в себя и кивнул.

– Мнение о чем? – поинтересовалась Мирна.

Леа жестом пригласила всех занять места на диване и в креслах, словно она была здесь хозяйкой. Мирна и не подумала обижаться, ей нравилось, что Леа чувствует себя здесь как дома. К тому же в этом жесте не было ничего официозного. Леа придала ему любезный, а не требовательный оттенок.

Когда все устроились, Матео положил на сосновый кофейный столик стопку бумаг.

Гамаш заметил, что это в основном статьи из испанских газет.

– Вы можете мне сказать, о чем тут написано?

– Прошу прощения. – Матео перебрал бумаги. – Я хотел положить вот это наверх.

Розовый цвет, тут не ошибешься: «Файнэншл таймс».

Автором статьи на первой странице был Матео Биссонетт. Гамаш обратил внимание на дату.

Восемнадцать месяцев назад.

Статья сопровождалась фотографией. На ней был изображен мужчина в цилиндре и фраке, с портфелем, на котором виднелась какая-то надпись. Мужчина выглядел щеголеватым и в то же время потрепанным.

Гамаш надел очки и вместе с Рейн-Мари и Мирной склонился над изображением.

– Что написано на портфеле? – спросила Мирна.

– *Cobrador del Frac*, – ответил Матео. – Сборщик долгов во фраке. Кобрадор.

Гамаш начал читать статью, но остановился и посмотрел на Матео поверх своих полукруглых очков:

– Продолжайте.

– Мои родители живут в Мадриде. Года полтора назад отец переправил мне по электронной почте эту статью. – Матео перебрал распечатки и нашел статью из другой газеты. – Он всегда ищет что-нибудь, что может заинтересовать меня. Как вы знаете, я журналист-фрилансер.

Гамаш кивнул и углубился в испанскую статью, в которой тоже была фотография коллектора во фраке и цилиндре.

– Я предложил идею разным изданиям, и «Файнэншл таймс» купила у меня эту историю. Так что я отправился в Испанию и провел там кое-какое расследование. Сборщик долгов во фраке – типичный испанский феномен, и число этих людей выросло с финансовым кризисом.

– Этот человек – коллектор? – уточнила Рейн-Мари.

– *Oui*.

– Да, вид у них куда более приятный, чем у коллекторов в Северной Америке, – заметила Мирна.

– Они не такие, какими кажутся, – возразил Матео. – Нисколько не цивилизованные и не обходительные. Это скорее маскировка, чем костюм.

– И что же они маскируют? – спросил Гамаш.

– То, что собирают, – ответил Матео. – Коллекторское агентство в Канаде может изъять у вас машину, дом, мебель. Сборщик долгов во фраке забирает нечто совершенно иное.

– Что? – спросил Арман.

– Вашу репутацию. Ваше доброе имя.

– Как он это делает? – спросила Рейн-Мари.

– Его нанимают для слежки за должником. Он всегда держится на расстоянии, никогда не заговаривает с объектом слежки, но всегда присутствует.

– Всегда? – переспросила она, видя, как встревоженно нахмурился Арман.

– Всегда, – сказала Леа. – Он стоит у вашего дома, следует за вами на работу. Ждет, когда вы оттуда выйдете. Если вы идете в ресторан или на вечеринку, он рядом.

– Но зачем? – удивилась Рейн-Мари. – Наверняка есть более легкие способы взыскания долгов. Письмо адвоката? Суд?

– На это уходит много времени, к тому же испанские суды завалены исками с начала депрессии, – сказал Матео. – Прежде чем вам вернут долг, могут пройти годы. Людям сходились с рук немыслимые поступки: они банкротили клиентов, партнеров, супругов, почти не сомневаясь, что никто не может заставить их вернуть долг. Сколько всяких афер провернули. Пока кто-то не вспомнил...

Он посмотрел на фотографию человека в цилиндре и фраке. И только теперь Гамаш заметил человека в толпе, на некотором расстоянии впереди, спешащего, но оглядывающегося назад. Воплощение зарождающегося страха.

А сборщик долгов во фраке шел следом. С неподвижным, бесстрастным лицом. Безжалостным.

Толпа расступалась, пропуская его.

– Он заставляет людей платить долги, угрожая позором, – сказал Матео. – На самом деле это выглядит ужасно. Поначалу кажется комичным, но потом мороз по коже. Недавно в Мадриде я сидел в ресторане с родителями. Приятный ресторан. Льняные скатерти, столовое серебро. Приглушенные тона. В таком месте удобно обдѣлывать тайные делишки. А перед рестораном стоял кобрадор. Его пытались прогнать сначала метрдотель, потом владелец ресторана. Даже толкали его. Но он не сдвинулся с места. Стоял со своим портфелем. Смотрел в окно.

– Вы поняли, на кого он смотрел? – спросила Рейн-Мари.

– Поначалу – нет, но тот человек выдал себя. Заволновался, разозлился. Вышел наружу и стал орать на него. Но кобрадор никак не реагировал. А когда человек покинул ресторан, тот безмолвно пошел следом. Не могу вам точно сказать почему, но это наводит ужас. Я почти посочувствовал тому типу.

– Не надо им сочувствовать, – сказала Леа. – Они заслужили то, что получают. К услугам кобрадора прибегают только в самых крайних случаях. Человек должен совершить что-то из ряда вон, чтобы на него напустили кобрадора.

– И любой может его нанять? – спросила Мирна. – В смысле, откуда известно, что существует долг? Может, наниматель просто хочет унижить кого-то.

– Компания проверяет, – ответил Матео. – Какие-то злоупотребления, несомненно, есть, но по большей части, если вас преследует кобрадор, для этого есть веская причина.

– Арман? – спросила Рейн-Мари.

Он покачал головой, прищурившись:

– Это похоже на самоуправство. Брать правосудие в свои руки. Осуждать кого-то.

– Но тут нет насилия, – сказала Леа.

– О, насилие есть, – возразил Гамаш и ткнул пальцем в испуганное лицо на фотографии. – Пусть и не физическое.

Матео кивнул:

– Дело в том, что действует это очень эффективно. Люди почти всегда отдают долг, причем быстро. И нужно учитывать, что преследуются не невинные люди. Это ведь не первичное действие, а реакция. Люди обращаются к кобрадору, когда все другие средства исчерпаны.

– И что же? – спросил Гамаш, глядя на Матео. – Вы хотите пригласить в Квебек кобрадора? И хотите узнать у меня, будет ли это законно?

Матео и Леа уставились на Гамаша, потом Матео рассмеялся:

– Да нет, конечно. Просто мы с Леа подумали, что вот это, – он показал в окно, – сборщик долгов.

– Коллектор? – переспросил Гамаш и ощутил легкий трепет. Словно слабая дрожь перед землетрясением.

Леа, широко раскрыв глаза, быстро переводила взгляд с Армана на Рейн-Мари, с Рейн-Мари на Мирну и снова на Гамаша. Искала в них хоть малейший намек на оживление. Или на согласие. Или на что угодно. Но их лица были почти совершенно непроницаемы. Такие же невыразительные, как и у существа на лугу.

Арман откинулся на спинку кресла и открыл рот, но снова закрыл его, а Рейн-Мари повернулась и посмотрела на Мирну.

Наконец Арман наклонился к Матео, который в свою очередь подался к нему.

– Вы понимаете, что это... – Арман кивнул в сторону деревенского луга, – ничуть не похоже на фигуры на фотографиях.

– Понимаю, – сказал Матео. – Но когда я собирал материалы для статьи в Испании, до меня дошли слухи кое о чем другом. Более старом, уходящем в столетия назад. – Он тоже взглянул в окно и сразу отвернулся, словно смотреть на это существо слишком долго было

ошибкой. – О предшественнике современного кобрадора. Я слышал разговоры, будто это существо все еще живо, обитает в отдаленных деревнях. В горах. Однако я не смог найти ни его, ни кого-нибудь, кто его нанимал.

– И этот древний кобрадор другой? – спросила Рейн-Мари.

– Он тоже коллектор, но взыскивает другие долги.

– Другие по величине долга? – уточнил Гамаш.

– По типу долга. Один долг – финансовый, часто губительный, – сказал Матео, глядя на фотографию в газете.

– Другой долг – нравственный, – сказала Леа.

Матео кивнул:

– Пожилой мужчина, с которым я говорил в деревне у Гранады, видел одного такого, но только однажды, еще мальчишкой, и издали. Кобрадор шел за старухой. Они исчезли за углом, и больше он его никогда не видел. Под запись он говорить не захотел, но показал мне вот это.

Матео извлек из кармана мутную фотокопию мутной фотографии.

– Он сделал этот снимок своей камерой «Кодак-Брауни».

На фотографии была узкая крутая улочка, стены домов подступали к самой дороге. Снимок запечатлел лошадь с телегой. А вдали на углу – что-то еще.

Гамаш снова надел очки и поднес газету к самым глазам. Потом передал ее Рейн-Мари.

Медленно сняв очки, сложил их. И все это – не сводя глаз с Матео.

На фотографии была фигура в мантии и маске. С капюшоном на голове. А перед темной фигурой – мутное пятно. Серый призрак, спешащий исчезнуть.

– Снимок сделан ближе к концу гражданской войны в Испании, – сказал Матео. – Я не хочу думать...

Но ошибиться было невозможно. На фотографии, снятой почти сто лет назад, было изображено существо, которое стояло сейчас в центре Трех Сосен.

* * *

– И вы поверили в это, старший суперинтендант? – спросил прокурор.

Его звание в устах прокурора теперь казалось скорее издевкой, чем обращением.

– В тот момент мало кто понимал, во что верить. Все это представлялось не только странным, но и, откровенно говоря, невероятным. Не мог какой-то древний испанский коллектор появиться в маленькой квебекской деревеньке. Я бы и сам не поверил, если бы не видел своими глазами. Фотографию – и существо на лугу.

– Насколько я понимаю, вы взяли бумагу, которую вам показывал Матео Биссонетт.

– Да, я взял копию.

Прокурор обратился к секретарю:

– Вещественное доказательство «Б».

Фотография Трех Сосен в то серое ноябрьское утро исчезла, вместо нее появилось то, что поначалу казалось тестом Роршаха.⁹ Серые и черные пятна, размытые, неопределенные границы.

Наконец все это объединилось в некое изображение.

– Оно?

– Да, – сказал Гамаш.

– И это то, что вы видели на деревенском лугу?

⁹ Тест для исследования личности, опубликован в 1921 году швейцарским психиатром и психологом Германом Роршахом. Известен также как «пятна Роршаха».

Гамаш уставился на этот образ, на сборщика нравственных долгов, и опять ощутил трепет.

– Да.

Глава пятая

Жаклин месила тесто, налегая на него всем телом. Она ощущала его под руками – податливое и одновременно плотное. В том, как она мягко покачивалась взад и вперед, взад и вперед, было что-то созерцательное и чувственное.

Глаза ее были закрыты.

Она месила и покачивалась. Месила и покачивалась.

На ее руки легли другие – более старые, более холодные, пухлые.

– Думаю, этого достаточно, *ma belle*,¹⁰ – сказала Сара.

– *Oui, madam.*

Жаклин покраснела, поняв, что опять переусердствовала с багетом.

Если она не научится этому, то потеряет работу. Как бы хорошо она ни готовила печенье, пироги и наполеоны, если ты не умеешь печь багет в Квебеке, то для малой пекарни ты человек бесполезный. Сара хотела бы ее оставить, но у нее не будет выбора.

От этого зависело все. А Жаклин раз за разом проваливала экзамен.

– Ничего, научишься, – сказала Сара успокаивающим тоном. – Почему бы тебе не закончить птифуры? Мадам Морроу заказала две дюжины. Она говорит, для гостей, но...

Сара рассмеялась. Смеялась она всем телом и от души. Противоядие от страхов Жаклин.

Антон, наверное, готовит что-нибудь по соседству. Пытается приготовить блюдо, которое поразит Оливье. Чтобы убедить владельца быстро произвести его в шеф-повара. Или хотя бы в помощники. Или хотя бы отправить на подготовительные курсы.

Все, что угодно, кроме мойщика посуды.

Но Жаклин подозревала, что сердце Антона сейчас не лежит к поварскому искусству. С того времени, как появилась фигура в мантии.

Даже если доживет до ста лет, Жаклин не забудет этого выражения на лице Антона, когда они обсуждали существо на деревенском лугу. Когда она предложила обратиться к Гамашу. Рассказать офицеру полиции о том, что известно им обоим.

– Ты не больна? – спросила Сара.

– Просто задумалась.

– Вот в этом-то и проблема. Когда делаешь багеты, нужно очистить свой ум. Открыть его. Ты удивишься всем тем красотам, которые появятся, когда ты отпустишь свой ум.

– Вы хотите сказать, когда сойдешь с ума? – спросила Жаклин.

Сара уставилась на нее, потом снова рассмеялась.

Не часто эта серьезная, чуть ли не угрюмая молодая женщина отпускала шутки.

Может быть, она не такая уж и серьезная, подумала Сара. Иногда в ней проскальзывало некоторое легкомыслие. К тому же она была не так уж и молода. Молода по сравнению с Сарой, но ее ученице было уже лет тридцать пять.

Однако в этом и заключается прелесть искусства пекаря. В полной мере ты овладеваешь им только с возрастом, когда у тебя появляется больше терпения.

– Да, чтобы быть пекарем, человек определенно должен быть сумасшедшим, – согласилась Сара. – Если тебе понадобится помощь, *ma belle*, просто позови тетущку Сару.

С этими словами Сара отправилась проверять пироги в духовке.

Жаклин не смогла сдержать улыбку.

Сара, конечно, никакая ей не тетущка. Так уж повелось между старшей и младшей женщиной. Шутка, да не совсем. Обе обнаружили, что им нравится мысль, будто они семья.

¹⁰ Красавица (*фр.*).

Во время смеха, в это самое мгновение, темное существо исчезало. Но когда туман смеха рассеивался, существо возвращалось.

И ее мысли обратились к Антону.

Тетушка или нет, но, если она не научится печь багеты, Саре в конечном счете придется выставить ее за дверь. Заменить кем-нибудь, кому это дело окажется по уму.

И тогда она потеряет Антона.

Жаклин выкинула испорченное тесто и начала все сначала. Ее четвертая попытка сегодня, а ведь еще и полдень не наступил.

* * *

Арман и Рейн-Мари вернулись домой.

Она устроилась в гостиной перебирать коробку с архивными материалами.

Арман просканировал фотографию настоящего кобратора и отправил ее по электронной почте Жану Ги. В ответ зять слегка грубовато спросил, не томится ли он в деревне от безделья и не выпил ли лишнего.

Гамаш взял телефонную трубку и позвонил. Ответила его дочь Анни, которая передала трубку Жану Ги.

– Что это за странная фотография, patron? – спросил тот.

Гамаш расслышал чмокание и представил себе Жана Ги с огромным сэндвичем вроде дагвудовского.¹¹ Однако эта аллюзия прошла бы мимо его зятя.

Когда он объяснил происхождение фотографии, Жан Ги, к тому времени закончивший жевать, сказал:

– Я немедленно этим займусь.

И Гамаш знал, что его зять так и сделает.

Он познакомился с Жаном Ги задолго до того, как тот стал его зятем, забрав агента Бовуара из хранилища вещдоков, где тот занимался никчемной, нудной работой. Он взял к себе молодого человека, которого не хотел брать никто другой, и, ко всеобщему удивлению, сделал его инспектором отдела по расследованию убийств.

Но Гамашу это казалось естественным. Он даже не задумывался о своем решении.

Они стали шефом и агентом. Патроном и протеже. Головой и сердцем. Не зятем и тестем, а сыном и отцом.

Судьба столкнула их, и, очевидно, они были связаны как в этой жизни, так и во многих прошлых.

Как-то вечером за обедом у Клары они заговорили о жизни. И о смерти. И о жизни после смерти.

– Есть одна теория, – сказала Мирна. – Не помню, то ли буддистская, то ли таоистская, то ли еще какая. В ней говорится, что с определенными людьми мы встречаемся снова и снова в разных жизнях.

– По-моему, это нелепостизм, – вставила Рут.

– С одним и тем же десятком людей, – продолжила Мирна, перепрыгивая через словесную кочку, какую представляла собой старая поэтесса. – Но состоим с ними в разных отношениях. В этой жизни вы можете быть партнерами, – она посмотрела на Габри и Оливье, – а в другой – братьями, или мужем и женой, или отцом и сыном.

– Постой-ка, – сказал Габри. – Ты хочешь сказать, что Оливье, возможно, был моим отцом?

¹¹ Так называется большой многослойный сэндвич с самыми разными ингредиентами. Назван по имени Дагвуда Бамстеда, персонажа комиксов, часто изображавшегося за поеданием огромного сэндвича.

– Или матерью.

Оба скорчили гримасы.

– Роли меняются, но одно остается неизменным: любовь, – сказала Мирна. – Она абсолютна и бесконечна.

– Бред сивой кобылы, – проворчала Рут, поглаживая Розу.

«Фак-фак-фак», – согласилась утка.

Сходство Розы и Рут со временем увеличивалось. У обеих была тощая шея. Белая голова. Глаза-бусинки. На ходу они покачивались. И словарь во многом был общий.

Если бы не трость в руке Рут, они были бы вообще неразличимы.

Арман посмотрел через стол на Рейн-Мари, на ее лицо, освещенное пламенем камина. Она слушала, улыбалась. Запоминала.

Если слова Мирны верны, то он уже знал всех этих людей прежде. Этим объяснялась его тяга к ним почти с первого взгляда, тяга к деревне. Доверие и легкость, которые он чувствовал в их обществе. Даже в обществе старой безумной Рут. С ее двойником – уткой, которая в какой-то прошлой жизни, вероятно, была ее ребенком.

Или наоборот.

Но Рейн-Мари... Его дочь, или мать, или брат?

Ноп.

Она всегда была его женой. Он знал это с самой первой минуты, как увидел ее. Он узнал ее в первую же минуту.

Узнал века спустя. Спустя многие жизни. Все остальные отношения могут изменяться, перетекать, переформатироваться в нечто иное, но его отношения с Рейн-Мари были абсолютными и вечными.

Отношения с Жаном Ги – другой вопрос. Арман давно чувствовал, что и они уходят корнями в древность. Очень старая дружба. Узы, которые были не путами, а надежными скрепами. И Рейн-Мари тоже видела это. Вот почему она поставила только одно условие, когда он сказал ей, что собирается стать главным копом в Квебеке.

Жан Ги Бовуар должен быть рядом с ним. Как в прежние времена.

И теперь Арман, размышляя об этом, ждал реакции Жана Ги и смотрел в окно на нечто, тоже, казалось, принадлежащее древности.

И спрашивал себя: если любовь шла за ними через множество жизней, то не происходило ли то же самое и с ненавистью?

* * *

– Антон?

Никакого ответа.

– Антон!

Оливье выключил воду. Мыльная вода переливалась через край глубокой раковины на пол.

– Люди заказывают суп дня, – сказал Оливье. – И нам нужны чистые сковороды. Ты не заболел?

– Désolé,¹² patron. Я задумался.

Интересно, понимает ли Оливье или кто-то другой, что именно появилось на их распрекрасном деревенском лугу?

– Прошу тебя, – сказал Оливье и покрутил рукой, поторапливая Антона. – А когда закончишь, сможешь отнести две тарелки на третий столик?

¹² Здесь: прошу прощения (фр.).

– Oui.

Антон вымыл сковородки, быстро высушил, передал шефу, затем налил две тарелки супа с сельдереем и айвой, положил в него сметану и укроп и отнес на третий столик.

– Merci, – поблагодарила женщина.

– Un plaisir, madam,¹³ – ответил Антон, вежливо посмотрев на нее, и перевел взгляд за окно.

У него возникло смутное впечатление, будто он знает эту женщину. Видел ее прежде. Она не местная. Приезжая. Но внимание Антона теперь было приковано к лугу.

На его глазах существо шевельнулось. Еле-еле заметно. Сдвинулось на дюйм. На миллиметр.

В его сторону.

* * *

– Кажется, оно только что сдвинулось? – спросила Рейн-Мари.

Она пришла в кабинет взять книгу и остановилась за креслом Армана, глядя в окно.

– Совсем чуть-чуть, – ответил Арман. – Но я тоже так думаю. Может быть, ветерок шевельнул на нем мантию.

Однако они оба знали: темное существо и в самом деле сдвинулось. Едва заметно. Почти неощутимо для всех, кроме тех, кто случайно посмотрел на него в это мгновение, и тех, кто следил за ним некоторое время.

Существо немного повернулось. В сторону быстро.

* * *

– Вы поняли тогда, – спросил прокурор, – на кого смотрело это существо?

– Non. Там было не меньше десятка людей. А то и больше.

– Но вероятно, это был кто-то из сидевших за столиком у окна, non?

– Возражаю. Наводящий вопрос свидетелю.

– Поддерживаю.

– Что происходило дальше? – спросил прокурор.

¹³ Здесь: рад услужить, мадам (фр.).

Глава шестая

– Кому еще вы рассказывали о вашей теории кобратора? – спросил Арман у Матео.
День только начинался, и гости пригласили деревенских в гостиницу на чай. Гамаш отвел журналиста в угол, где они могли поговорить без помех.

– Никому. Хотел, чтобы вы узнали первым.

– Воп.¹⁴ Пожалуйста, никому больше.

– Почему?

– Особых причин нет. Просто хочу получить подтверждение, прежде чем слухи выйдут из-под контроля.

– Все уже подтверждено, – с некоторым раздражением произнес Матео. – Я же говорил вам.

– К сожалению, месье, ваши слова, как и мои, нуждаются в проверке.

– И как вы это сделаете?

– Мой агент разбирается с вашей информацией. Я отправил ему фотографию. Скоро у нас будет подтверждение. И тогда мы сможем поговорить.

– Отлично.

– Merci.

– Поторопитесь, – сказала Рут с дивана. – Я просохла.

– Ты не просыхаешь с тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, – заметил Габри, наливая ей виски в чашку костяного фарфора.

– Выборы Никсона, – вспомнила Рут. – Действует очень отрезвляюще.

– Вы заметили, что вокруг этого существа повсюду птицы? – спросила Клара.

– Он похож на статую, – сказала Рейн-Мари.

– Надеюсь, они обгадят его, – заявил Матео.

Теперь, когда птицы стали садиться на голову и плечи человека в мантии, он должен был бы казаться комичным, но воробьи только усиливали ощущение чего-то жуткого. Он походил на черную мраморную статую на кладбище.

– С тобой все хорошо? – спросила Рейн-Мари.

Арман, как и все остальные, смотрел на фигуру на лугу. Он словно вошел в транс.

– У меня какое-то странное ощущение, – прошептал он. – На мгновение я подумал: что, если мы все понимаем неправильно и он пришел сюда не со злом, а с добром?

– Вы не первый, кто приписывает кобраторам героические качества, – сказал Матео. Он стоял рядом и слышал их разговор. – Этаким Робин Гуд. Восстанавливает справедливость. Но тут, – он наклонил голову к окну, – тут что-то другое. Почти ощущается запах гниения.

– Это запах навоза, – пояснил Габри, подливая Матео вина. – Месье Лего удобряет свои поля. – Он глубоко и удовлетворенно вдохнул и выдохнул. – А-а-а. Запах дерьма. Как вы его называете – кобратор?

– Это всего лишь слово, – ответил Матео. – Прозвище.

Он поскорее отошел, прежде чем Габри начал задавать вопросы.

– Он дал этому существу прозвище? – спросил Габри у Гамашей.

Арман пожал плечами и посмотрел на Матео, болтающего с Кларой. И подумал, случайно ли Матео упомянул о кобраторе именно в присутствии Габри. Как раз после того, как Гамаш попросил его не распространять слухи.

Случайная оговорка? Намеренная? Стратегическая?

– А где Кэти? – спросила Мирна.

¹⁴ Хорошо (фр.).

– Несколько минут назад была здесь, – ответил Патрик, оглядываясь.

– Она сказала, что съездит в микропивоварню в Саттоне и привезет еще пива, – сообщила Леа, поднимая свой стакан. – Доказательство того, что Господь любит нас и хочет, чтобы мы были счастливы. Бенджамин Франклин.

Гамаш посмотрел на Леа Ру, думая, не настанет ли в недалеком будущем день, когда он будет работать на нее. На следующего премьер-министра Квебека.

Габри, следуя за Рут с бутылкой виски, словно преданный викторианский слуга, сказал:

– Ненавижу пиво. Никогда его у нас не будет. Оно плохо влияет на атмосферу.

– А утка – нет? – спросил Патрик, уставившись на Розу.

– Мы делаем исключения, – сказал Габри. – Утка и прибаутка – одна семья.

– Вообще-то, мы любим, когда Рут и Роза поблизости. На их фоне остальные не кажутся сумасшедшими, – добавила Клара.

– Что ж... – протянула Леа.

– Стеклянные дома, – сказала Рут, прижимая к себе Розу и недовольно глядя на Леа.

Она рассеянно положила руку с выступающими венами на крылья Розы, крепко прижатые к спине. Как у очень маленького архангела. Роза и впрямь была настоящий архангел.

Леа вздохнула и улыбнулась:

– Вы совершенно правы. Мои извинения.

– Кстати, ты ошибаешься.

– В чем?

– Бенджамин Франклин не говорил этого о пиве, – сказала Рут.

– А кто это говорил? – спросила Мирна.

– Франклин, – ответила Рут.

– Но вы только что... – начал было Патрик.

– Он говорил это не о пиве, – пояснила Рут. – Он писал другу о вине. Цитату похитили люди, которые считали, будто интеллектуала и дипломата лучше подавать как человека из народа. Предпочитающего пиво вину. Такова политика, поп? – Она снова повернулась к Леа. – Иллюзия.

– Вы правы, – сказала Леа и подняла стакан с пивом за пожилую женщину.

Но ее глаза больше не светились весельем.

«Да, – подумал Гамаш, держа в руке стакан виски, которое налил ему Габри, но не прирагиваясь к напитку, – здесь явно происходит нечто большее, чем заметно глазу».

– Он не выглядит знакомым? – спросила Рейн-Мари.

Никому не нужно было спрашивать, кого она имеет в виду.

– Ну, если учесть, что он стоит там уже больше суток, то да, кажется, – ответила Клара.

– Нет, взгляни еще раз.

Они молча уставились на фигуру в мантии, стоящую в одиночестве на деревенском лугу в хмурый ноябрьский день.

Тишина, казалось, простерлась за стены комнаты. За стены гостиницы. Проникла во всю деревню. Стеклянный купол словно увеличивался в размерах. Накрывал все больше и больше пространства Трех Сосен.

Два дня назад дети на лугу играли, смеялись и кричали. Теперь ничего этого не было. Ни потасовок. Ни беготни. Даже птицы на его плечах замерли, словно окаменели от соприкосновения с ним.

– Он похож на святого Франциска Ассизского, – заметила Клара.

– Я тоже так подумала, – кивнула Рейн-Мари. – Со всеми этими птицами.¹⁵

¹⁵ В агнографии святого Франциска сообщается, что, когда он проповедовал на базарной площади, а птицы громко щебетали, он вежливо попросил их замолчать и птичий гам тут же стих. В другой раз Франциск проповедовал птицам.

– Не обманывайте себя, – сказала Леа. – Это никакой не святой.

– Вы не спрашивали архангела Михаила о нашем госте? – спросил Гамаш.

Рейн-Мари повернулась к нему, удивленная вопросом. Но ей тоже было любопытно услышать ответ.

Никто из них не верил, что архангел Михаил действительно приходит к старой чокнутой поэтессе. Они даже не верили, что она сама в это верит. По-настоящему.

Но всем было любопытно.

– Спрашивала.

– И?..

На вершине холма появилась машина, едущая в деревню.

– Наверно, Кэти, – сказал Патрик. – Нет. Это не наше авто.

Машина остановилась напротив существа. Птицы взмыли в воздух, но фигура в мантии осталась стоять.

Наконец машина двинулась дальше.

Приехал Жан Ги с новостями.

* * *

– Что же выяснил инспектор Бовуар? – спросил прокурор.

Заседание подходило к концу, и он нажимал, поторапливал старшего суперинтенданта. Хотел, чтобы тот выдал еще крупную информацию, прежде чем судья прервет заседание до завтра.

Хотел, чтобы в голове у присяжных застряло то последнее, что они услышат сегодня, прежде чем разойдутся по уличным кафе или пивным выпить холоденького в этот жаркий день.

Прокурор кивнул секретарю:

– Еще раз вещественное доказательство «А», s'il vous plaît.¹⁶

И опять появилась деревня с темным пятном посередине. На этот раз вместо молчания или долгого вздоха среди зрителей пробежал шепоток узнавания, даже возбуждения.

Их потрясение обернулось привыканием, легким щекотанием нервов. Тревога прошла. Они чувствовали себя почти спокойно и были горды тем, что сумели так быстро приспособиться к столь странному зрелищу.

Конечно, то было всего лишь изображение. Ненастоящее.

И их бравада была обманчивой. Ненастоящей.

Гамаш знал (и подозревал, что они тоже знают), что это большая ошибка – чувствовать себя спокойно рядом с таким существом. Даже рядом с его фотографией.

– Итак? – поторопил его прокурор.

Хотя Гамаш согласился со стратегией спешки, но по своему многолетнему опыту дачи показаний в этом высоком суде он знал, что ни в коем случае нельзя из-за спешки оставлять вопросы без ответа. Оставлять лазейки для защиты, которые она попытается расширить и через которые виновный сможет уйти от наказания.

И теперь Арман Гамаш должен был проявить чудеса ловкости и проворства, подобно канатоходцу, выступающему под куполом цирка.

К тому же были кое-какие обстоятельства, которых не знал даже прокурор. И не должен был знать.

– Инспектор Бовуар всю субботу исследовал историю сборщика долгов во фраке. Когда он счел, что собрал достаточно информации, он приехал в Три Сосны.

¹⁶ Пожалуйста (фр.).

– Но зачем ехать? Почему нельзя сообщить по телефону или отправить по электронной почте?

– Он хотел своими глазами увидеть это существо. Чтобы убедиться. До этого он опирался только на фотографию, которую я ему прислал. Ему нужно было увидеть это существо воочию.

Гамаш не сказал, что Жан Ги также чувствовал необходимость передать ему информацию при личной встрече. Чтобы видеть реакцию.

– И?..

* * *

– Что вам известно, patron? – спросил Бовуар.

Они сидели в гостиной дома Гамашей в Трех Соснах. Жан Ги, Рейн-Мари и сам Гамаш.

– Лишь то, что рассказал нам Биссонетт, а я переслал тебе, – ответил Арман. – Это сборщик долгов во фраке.

– Кобрадор, – кивнул Бовуар. – Oui. Но только не настоящий.

Он отставил в сторону чашку с горячим шоколадом и вытащил из сумки папку. Из папки извлек несколько листов, в основном фотографий, разложил их на кофейном столе и слегка перемешал, как наперсточник на улице.

Когда он закончил, на столе перед Гамашем лежал веер из фотографий.

– Вот это, – Бовуар взял фотографию, лежащую в стороне, – сборщик долгов во фраке.

Он показал знакомую уже фотографию человека в цилиндре и фраке. В белых перчатках. С портфелем. На котором крупными буквами было написано «Cobrador del Frac».

– А вот то, что я хочу вам показать, – продолжил Жан Ги.

Он переместил первую фотографию из разложенных веером поближе к Гамашу.

– Тысяча восемьсот сорок первый год. Деревня в Пиренеях. Одна из первых сохранившихся фотографий. Дагеротип.

Изображение было серым, расплывчатым. Узкая, мощенная брусчаткой улица, петляющая между прочными каменными домами. Вдали можно было различить горы.

– Люди и животные не видны, – пояснил Бовуар. – Пленку нужно было экспонировать десять минут. Все находящееся в движении не проявлялось.

Арман надел очки и наклонился над фотографией. Если бы месье Дагер фотографировал его, то Арман бы точно проявился.

Наконец он посмотрел поверх очков на Жана Ги.

И тот кивнул.

– Это кобрадор, – сказал Жан Ги чуть ли не шепотом. – Фрак добавил гораздо позднее какой-то умный маркетолог. Но этот – настоящий. Подлинный.

Рейн-Мари наклонилась над фотографией. Она видела здания, улицы, ландшафт вдали. И больше ничего. Ее глаза быстро скользили по фотографии.

И только перестав шарить глазами по снимку, она увидела.

Оно возникало из снимка. Медленно. Обретало четкость. Становилось все яснее и яснее. Темнее и темнее.

И наконец ошибиться стало невозможно.

У стены стоял человек. Стоял так неподвижно, что даже десятиминутная экспозиция зафиксировала его. И только его.

Все остальное, что было живым, – лошади, собаки, кошки, люди – исчезло, словно все покинули деревню. Осталось лишь существо в темной накидке и в капюшоне, с черным бесстрастным лицом.

Это напоминало одну из фотографий, снятых после атомной бомбардировки в Хиросиме, где от людей остались отпечатки на стене, а сами они были уничтожены. Вечная тень. И ничего живого.

Здесь, в этой испанской деревне, тень осталась. В ней не было ни гнева, ни печали, ни радости, ни жалости, ни торжества. Ни осуждения. Осуждение уже состоялось.

Коллектор. Пришел за долгом.

– Лишь недавно, когда в Париже готовили выставку работ Луи Дагера, кто-то заметил этот снимок, – сказал Бовуар. – Вот этот, – он показал на следующую фотографию, немного четче, – сделан в тысяча девятьсот двадцатых годах, а этот, – он взял следующую, – в тысяча девятьсот сорок пятом. Через неделю после окончания войны в Европе.

На фотографии фигура в мантии стояла перед мужчиной средних лет, который отчаянно протестовал, а другие люди смотрели на них.

– Этого человека уволокли и повесили как коллаборациониста, – сказал Жан Ги. – Он доносил на друзей и соседей, предлагал укрытие евреям, а затем сдавал их, получая подачки от нацистов.

Глядя на этого человека – ужас на лице, впалые небритые щеки, умоляющий взгляд, растрепанные волосы, помятая одежда, – трудно было не проникнуться к нему сочувствием. Пока ты не начинал задумываться о его жертвах. Мужчинах и женщинах, мальчиках и девочках, которые погибли. Из-за него.

Кобрадор нашел его и преследовал. Как зверя. До самой смерти.

– Его повесил кобрадор? – спросила Рейн-Мари.

– Нет. Только указал на него пальцем, – ответил Жан Ги. – Остальное сделали другие.

Кривым пальцем, подумал Гамаш. Возможно, Рут была права.

– В первые послевоенные годы кобрадоров видели в Испании гораздо чаще, – сказал Жан Ги. – А потом долгое время – ничего.

– Матео говорил, что не смог найти никого, кто бы видел настоящего кобрадора, – припомнил Арман. – Кстати, эти фотографии он тоже не нашел.

– Или искал не слишком тщательно, – заметила Рейн-Мари. – По моему опыту работы в Национальном архиве я знаю, что журналисты-фрилансеры сосредоточены на конкретной теме и работают в плотном графике. Он писал статью о современных кобрадорах. Не о старых.

– Наверное, так и было, – согласился Арман.

– Но кобрадоров несколько раз видели в последнее время. Настоящих кобрадоров, – сказал Бовуар.

– Вроде нашего, – подхватила Рейн-Мари.

Кобрадор из Старого Света переместился в Новый. В их свет. И они почти чувствовали разложение. Гниение. Хотя Гамаш уже начинал сомневаться, от кобрадора ли исходит этот запах. Скорее, от кого-то другого. Поблизости. От того, за кем пришло существо.

– Значит, все это началось в девятнадцатом веке, – сказала Рейн-Мари, снова устремив взгляд на дагеротип. – Интересно почему.

– Non, – возразил Бовуар. – Non, non, non. Не в девятнадцатом, а в четырнадцатом.

– Семьсот лет назад? – удивилась Рейн-Мари.

– Да. У вас где-то был атлас.

Арман подошел к одной из полок в гостиной и достал большой том.

– У побережья Испании, между Испанией и Марокко, есть остров, – сказал Бовуар, листая страницы, пока не нашел нужную. – Он назывался Кобрадор.

Гамаш склонился над атласом:

– Но тут нет такого названия.

– Верно, название изменили. Но в прежние времена его называли именно так. Сюда отправляли жертв чумы. А также прокаженных, сумасшедших, детей, родившихся с отклоне-

ниями. Инквизиция высылала сюда подозреваемых в колдовстве. Оказаться на острове Кобрадор считалось страшнее сожжения на костре. По крайней мере, на костре умирали через несколько минут. А этих людей церковь приговаривала к вечным мукам. И здесь, – Жан Ги ткнул пальцем в остров на карте, – был ад.

Гамаш нахмурил брови:

– Но?..

Жан Ги кивнул:

– Но не каждый читает мелкий шрифт. Как это ни прискорбно для некоторых, не все высланные на остров умирали. Церковь и власти считали, что их убьет болезнь либо они сами перебьют друг друга. Такое, конечно, тоже случалось. Но потом наступили перемены. Все началось с женщин. Некоторые из них начали заботиться о детях. Выхаживать их. Растить.

– Колдуньи совершали мицву,¹⁷ – сказал Арман.

– Это должно было озлобить инквизицию, – заметила Рейн-Мари.

– Борьба между своими закончилась, они стали помогать друг другу, – продолжил Жан Ги. – Построили дома, стали сеять зерно. Вдали от грязных городов многие больные чумой выздоровели.

– Замечательно, – сказал Гамаш. – В самом деле красивая история. На свой манер. Но какое это имеет отношение к кобрадору?

Он показал рукой на окно.

Существо простояло там почти сорок восемь часов, и жители деревни, так и не сумев привыкнуть к нему, ощущали все большее напряжение. У некоторых начали сдавать нервы. Начались споры. В бистро вспыхивали перепалки между закадычными друзьями. Из-за пустяков.

Раздражение можно было объяснить тем, что уже несколько дней в деревне не видели солнца. А казалось, будто несколько недель. Или даже целую вечность. Ноябрьское небо заволкли тучи. Время от времени шел дождь, снег с дождем. Влага проникала под одежду, под кожу, скапливалась в костях.

Но главная проблема была здесь – на увядающей траве деревенского луга.

Очень, очень далеко от испанского острова четырнадцатого века. Далеко от дома.

Стеклянный купол еще больше увеличился, мир кобрадора все рос, его территория увеличивалась, а их – словно ужималась.

– Некоторые из тех, что посильнее, вернулись на материк, – сказал Жан Ги. – Но они были искалечены болезнью, поэтому носили маски и перчатки. И длинные плащи с капюшонами.

– А зачем возвращаться? – спросила Рейн-Мари.

– Ради мести, – ответил Гамаш.

Мсть – мощный мотиватор. Нередко берущий верх над здравым смыслом.

– Я тоже так подумал, – сказал Жан Ги, посмотрев на Гамаша. – Но нет. Они стали искать людей, которые изгнали их и проклинали. В основном священников, старших церковных чиновников. Магистратов. Даже принцев. Но как это ни невероятно, найдя их, они им не мстили. Просто преследовали. И это, конечно, не осталось безнаказанным.

– Что произошло? – спросил Гамаш.

– Я думаю, вы знаете. Я думаю, они знали, – ответил Бовуар. Ему не нужно было заглядывать в привезенные им распечатки. Он сомневался, что когда-нибудь сможет забыть прочитанное. – Первых забила до смерти толпа, принявшая этих людей за воплощение черной смерти. Но после гибели одного появлялся другой. Понемногу толпа стала замечать, что люди в черных мантиях и масках никому не приносят вреда. В них даже чувствовалось какое-то достоинство.

¹⁷ *Мицва* – предписание, заповедь в иудаизме. В обиходе мицва – всякое доброе дело, похвальный поступок.

Они не сопротивлялись. Они просто не сводили глаз с человека, которого преследовали, до тех пор, пока их не убивали.

Гамаш передвинулся в кресле и оглянулся через плечо на деревенский луг.

Такая преданность делу вызывала восхищение. Однако в ней чувствовалось какое-то безумие.

– Священники и власти не могли допустить, чтобы это продолжалось, – добавил Бовуар. – Они догадались, кто эти люди и откуда они появились. На остров Кобрадор отправили солдат, которые убили всех, кого там нашли.

Гамаш сделал резкий вдох. Даже через такое пространство и время он чувствовал их гнев и боль.

– Когда население узнало об этом, обрушился настоящий шквал дерьма, – сказал Бовуар.

Гамаш посмотрел на распечатки, совершенно уверенный, что там это описывается как-то по-другому.

– Фигуры в мантиях стали частью мифологии, – сказал Жан Ги. – Их называли кобрадорами по названию острова. Но на фоне всего того безобразия, какое тогда творилось в Европе, история с кобрадорами была лишь интермедией. О них вскоре забыли.

– Однако полностью они не исчезли, – заметила Рейн-Мари.

– Non. Похоже, не все выходцы с Кобрадора были убиты. Некоторые избежали смерти. Говорят, что им помогли солдаты, которые не смогли заставить себя подчиниться приказу. Время от времени кобрадоры попадались на глаза людям, в основном в горных деревнях.

– И продолжали преследовать тех, кто совершил что-то ужасное, но остался безнаказанным? – спросил Гамаш.

– Похоже на то.

– И таким образом кобрадоры стали сборщиками долгов.

– Нет, это только современная интерпретация. «Кобрадор» буквально означает «коллектор». Этим они и занимаются. Взысканием долгов. Однако в деревнях они считаются чем-то иным. Воплощенной Совестью.

* * *

Часы в зале суда показывали начало шестого.

Все другие слушания этого дня уже закончились. Из коридора доносились звуки шагов, гул голосов, иногда окрики. Адвокаты, которые только что вели словесные баталии друг с другом, теперь приглашали коллегу выпить за уличным столиком в ближайшей пивной.

Атмосфера в зале, где вела процесс судья Корриво, была тяжелая. Удушающая. Все жаждало поскорее оказаться на свежем воздухе и под солнцем. Вырваться из этих стен, забыть об истории, которая становилась все более пугающей.

Оставалось только задать последний вопрос и выслушать ответ.

– Старший суперинтендант Гамаш, – сказал прокурор. На сей раз в его голосе не слышалось ни напыщенности, ни помпезности. Впервые за весь день он не хорохорился и не актерствовал. Голос его звучал тихо, мрачно. – Вы пришли к какому-нибудь заключению на основании тех данных, которые вам предоставил о кобрадорах инспектор Бовуар?

– Пришел.

– К какому конкретно?

– Кто-то в деревне совершил нечто столь ужасное, что пришлось взывать к совести.

Глава седьмая

– Ты сегодня не вернешься? – спросила Рейн-Мари, когда Арман позвонил ей вечером.
– Боюсь, что да. Переночую в монреальской квартире. Тут много дел, а заседание завтра начнется рано.

– Хочешь, чтобы я приехала? Могу привезти что-нибудь из бистро.

– Нет, спасибо. Боюсь, из меня сегодня плохой собеседник. И мне нужно поработать.

– По процессу?

– Oui.

– Дела идут так, как тебе нужно?

Он потер лоб, взвешивая ответ:

– Трудно сказать. Столько всего должно сойтись. Похоже, между «все идет как надо» и «все идет наперекосяк» очень тонкая грань.

Рейн-Мари и прежде видела, как беспокоится Гамаш по поводу судебных слушаний, в особенности о показаниях некоторых свидетелей. Но в данном случае он был пока единственным свидетелем. Что же обеспокоило его так скоро?

– Ты добьешься приговора?

– Да.

Но ответ был слишком поспешным, слишком уверенным для человека, обычно весьма неторопливого и вдумчивого.

– А как у тебя с обедом? – спросила она.

– Перехвачу что-нибудь здесь, на работе.

– Один?

Арман через приоткрытую дверь заглянул в конференц-зал, где, склонившись над картами Квебека, сидели Жан-Ги, Изабель и другие офицеры. Кружки кофе и тарелки с сэндвичами из кафе по соседству стояли на длинном столе между графинами с водой, ноутбуками и бумагами. А за всем этим виднелись огни Монреаля.

– Oui.

* * *

Старший суперинтендант Гамаш вернулся к своей команде и, надев очки, склонился над большой картой Квебека.

На карте лежали прозрачные пленки. Каждая со своим рисунком, со своими красками.

Яркие всплески. Красного. Синего. Зеленого. Черного.

Сами по себе яркие линии, проведенные фломастерами на прозрачных пленках, не имели никакого смысла. Но если наложить их друг на друга, а потом на карту Квебека, линии соединялись. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что это схема метро. Очень большой сети метро и чрезвычайно загруженной.

И он был бы недалек от истины.

По сути, это была карта подземного мира. Карта организованной преступности.

Одни линии проходили вдоль реки Святого Лаврентия. Другие шли с севера. Многие – из Монреаля и Квебек-Сити. Но все они устремлялись к границе с Соединенными Штатами.

Суперинтендант Туссен, недавно возглавившая отдел по расследованию особо тяжких преступлений, взяла синий фломастер из чашечки на столе.

Для некоторых более молодых членов внутреннего круга Квебекской полиции это было все равно что взять молоток и долото, настолько примитивным был подобный метод картографии. Они привыкли к компьютерам и более точным, более мощным инструментам.

Но карта и прозрачные пленки имели большое преимущество перед компьютером, который можно взломать. А когда они хранились по отдельности, никто не мог разгадать их скрытый смысл.

И это было крайне важно.

– Вот последняя информация, – сказала Мадлен Туссен. – Наш информатор с островов Мадлен сообщает, что груз прибыл два дня назад на борту судна из Китая.

– Два дня назад? – переспросил один из агентов. – Почему потребовалось столько времени на получение информации?

– Еще хорошо, что мы ее вообще получили, – отрезала Туссен. – Мы все знаем, что случится, если они найдут нашего информатора. И он тоже знает.

Она провела фломастером синюю линию от островов Мадлен к заливу Святого Лаврентия.

– Нам известно сколько? – спросил Бовуар.

– Восемьдесят килограммов.

Они молча посмотрели на нее.

– Это фентанил? – спросила Изабель Лакост.

– Oui.

Туссен подняла фломастер. Синий для фентанила.

Все переглянулись. Восемьдесят килограммов.

Самая крупная поставка в Северной Америке. Почти в два раза больше обычного. Определенно самая крупная из тех, о которых им известно.

Картели нагнали с каждым днем.

А почему нет? Ведь им никто особо и не мешал.

Все находившиеся в зале повернулись к старшему суперинтенданту Гамашу, который смотрел на крохотную группу островов. Они словно покачивались в морской воде между Гаспе и Ньюфаундлендом. Красивее места не найдешь. Или идеальнее места для наркотрафика.

Земля, обдуваемая ветрами, изолированная, почти необитаемая. И в то же время на торговом пути грузовых судов со всего мира.

Это были ворота Квебека. Канады. Что-то вроде задней двери. Вращающейся двери. Обделенной вниманием властей, которые наблюдали за главными портами, воздушными и морскими.

Но маленькие, невыразимо прекрасные острова Мадлен были оптимальным вариантом.

А оттуда?

Гамаш охватил взглядом четкие линии, проведенные фломастерами разного цвета. Они начинались в разных концах Квебека, но шли в одном направлении.

К границе. La frontière.

К Соединенным Штатам.

Почти все линии, все цвета сливались и проходили через маленькую деревню, даже не отмеченную на карте. Гамашу пришлось обозначить ее.

Три Сосны.

Теперь она исчезла под цветными линиями, идущими к границе.

Наркотики текли в Штаты через эту дыру в границе, а назад через нее текли деньги.

Тонны кокаина, метамфетаминов, героина пересекали здесь границу. На протяжении многих лет.

Когда Гамаш встал во главе Квебекской полиции и оценил масштабы проблемы с наркотиками в самом Квебеке и за его пределами, он понял кое-что еще. Только часть грузов могла перемещаться по традиционным маршрутам.

Как же проходило остальное?

Арман Гамаш, новый старший суперинтендант Квебекской полиции, собрал несколько команд, чтобы выявить наркотики, изготавливаемые в самом Квебеке и импортируемые, потребляемые здесь или предназначенные для более емкого рынка.

Он организовал ряд команд. В них вошли ученые, хакеры, бывшие преступники, информаторы, морские и авиационные эксперты, люди, внедренные в банды байкеров, докеры, представители профсоюзов, упаковщики и даже маркетологи. Большинство понятия не имели о конечной цели или даже о том, на кого они работают. Каждому поручались маленький сектор и решение одной задачи.

Если наркотики сходились в одной точке, то и информация тоже.

Она поступала к старшему суперинтенданту Гамашу.

Готовился решительный удар. Не серия мелких уколов, а сильный, быстрый, эффективный удар. В самое сердце.

По прошествии почти года тщательных исследований появились линии на прозрачных пленках. Они пересекались. Переплетались. Так была выявлена система.

Но старший суперинтендант Гамаш бездействовал.

Невзирая на уговоры старших офицеров, Арман Гамаш выжидал. Терпел удары критики от отдельных людей, профессионалов, политиков, общества и коллег, которые видели только рост преступности и бездействие со стороны Квебекской полиции.

Наконец команда нашла то, что искала. Человека, стоявшего во главе всего этого.

Прорыв произошел благодаря сотрудничеству, разведке, мужеству агентов, работавших под прикрытием, и информаторов.

И появлению темной фигуры на исхлестанном дождем деревенском лугу.

Хотя немногие знали, что это и есть поворотный момент, а Гамаш делал все возможное, чтобы сохранить это в тайне.

Офицеры смотрели на старшего суперинтенданта Гамаша. Ждали, когда он скажет что-нибудь. Скажет, что делать.

Суперинтендант Туссен опустила ярко-синий фломастер и провела на пленке линию от гавани на островах Мадлен через кривую полуострова Гаспе. Фломастер скрипел, неторопливо двигаясь вдоль реки Святого Лаврентия. Наконец повернул вглубь континента. И вниз, вниз.

Пока синяя линия не уперлась в границу.

Здесь Туссен остановилась.

Она взглянула на Гамаша, который глядел на карту. На эту линию.

Потом он поднял голову и посмотрел вверх очков. На стену. И на схему, висевшую на ней.

Это была карта другого рода. На ней были показаны не потоки наркотиков, денег и насилия, а распределение власти.

К схеме прилагались фотографии. Полицейские фотографии анфас и в профиль, большинство – снимки, сделанные с большим увеличением.

На них были изображены мужчины и женщины, занятые своими делами. Внешне вполне нормальные. Но только внешне. Кожа, натянутая на пустой барабан.

А наверху, где сходились все линии, оставался темный силуэт. Без фотографии.

Без лица. Без выражения. Не совсем человек.

Арман Гамаш знал, кто это. Мог поместить туда фотографию. Но предпочитал не делать этого. На всякий случай. Он несколько мгновений смотрел на темное пустое изображение, потом перевел взгляд на суперинтенданта Туссен. И кивнул.

Она помедлила, возможно давая ему время передумать.

В зале стояла абсолютная тишина.

– Это невозможно, – тихо произнесла Туссен. – Восемьдесят килограммов. Скорее всего, груз уже в пути. Наш информатор пока не ответил. По крайней мере, давайте расставим людей по местам.

Старший суперинтендант Гамаш взял фломастер из ее руки и без колебаний провел последнюю линию.

Черту, пересекающую границу, место, где наркотики из Квебека попадали в Соединенные Штаты.

Арман Гамаш со звучным щелчком надел колпачок на фломастер, обвел взглядом своих доверенных офицеров и увидел на их лицах одинаковое выражение.

Они были потрясены.

– Вы должны остановить это, – сказала Туссен. У нее сорвался голос, но она овладела собой. – Вы не можете позволить грузу пересечь границу. Восемьдесят килограммов, – повторила она, еле сдерживая ярость. – Если вы не...

Гамаш выпрямился:

– Продолжайте.

Но она замолчала.

Он обвел взглядом остальных, и ему не потребовалось спрашивать, кто с ней согласен. Очевидно, таково было мнение большинства.

Однако большинство не всегда право.

– Мы держимся избранного курса, – сказал Гамаш. – Когда мы приступали к данной операции почти год назад, я ясно дал это понять. У нас есть план, и мы должны придерживаться его.

– Независимо от последствий? – спросил один из офицеров. – Да, у нас есть план, но мы должны проявлять гибкость. Обстоятельства меняются. Это безумие – придерживаться плана только потому, что он у нас есть.

Гамаш поднял брови, но ничего не сказал.

– Прошу прощения, patron, – добавил офицер. – Я не хотел сказать, что это безумие.

– Я знаю, что вы имели в виду, – хмыкнул Гамаш. – План был составлен до того, как у нас появилась вся имеющаяся теперь информация.

Офицер кивнул.

– План был составлен разумно, логично, в спокойной обстановке.

Новые кивки.

Другой офицер показал на карту:

– Зачем мы рискуем жизнью людей, которые собирают информацию, если не планируем действовать на основании полученных сведений?

– Мы действуем, – возразил Гамаш. – Только не так, как ждет от нас картель. Поверьте мне, я хочу остановить эту поставку. Но вся наша операция составлена с дальним прицелом. Мы не сворачиваем с пути. D'accord?¹⁸

Он обвел их взглядом, останавливаясь на каждом. Увидел, как они поднимают руки. Не потому, что он сломил их волю, а потому, что они были умные, опытные, находчивые и изобретательные. И достаточно мужественные, чтобы высказывать свое мнение.

И они высказались. А теперь настала его очередь.

Прежде чем заговорить, Гамаш обдумал свои доводы.

– Когда мы проводим облаву, когда вокруг свистят пули и хаос грозит сорвать операцию, что мы делаем?

¹⁸ Согласны? (фр.)

Он снова обвел их взглядом – им всем была знакома такая ситуация. Как и Гамашу.

– Мы не теряем голову и не поддаемся панике. И контролируем ситуацию. Сосредоточиваемся. Не реагируем на отвлекающие факторы.

– Отвлекающие факторы? – переспросила Туссен. – Это ведь не какое-нибудь жужжание мухи.

– Я не преуменьшаю важности этой поставки, этого решения и его последствий, суперинтендант.

Он быстро взглянул на схему на стене. Задержался на темном силуэте.

– Никогда не теряйте из виду цель, – сказал он, снова переводя взгляд на подчиненных. – Никогда. – Он помолчал для вящей убедительности. – Никогда.

Они задвигались, плечи их чуть распрямились.

– Любой другой офицер на вашем месте отказался бы от выбранной стратегии, – продолжил Гамаш. – Заглотил бы наживку. Не из слабости, а потому, что последствия чересчур серьезны. Он ощущал бы настоятельную потребность действовать. И она действительно есть. – Он ткнул пальцем в свежую линию. – Восемьдесят килограммов фентанила. Мы должны арестовать груз.

Они закивали.

– Но мы не можем.

Он сделал протяжный, глубокий вдох и на какое-то время устремил взгляд в окно, на огни города. И еще дальше – на горы. На долину. На деревню.

И на цель.

Потом он снова оглядел конференц-зал.

– Мы наблюдаем за ситуацией, – сказал старший суперинтендант Гамаш оживленным голосом. – На расстоянии. Мы не вмешиваемся. Мы не приостанавливаем поставку. D'accord?

Последовала короткая пауза, после чего кто-то один, а за ним и все остальные ответили:

– D'accord.

Согласны. Пусть и неохотно, но они согласились с боссом.

Гамаш повернулся к суперинтенданту Туссен, которая хранила молчание. Она смотрела на карту. С карты перевела взгляд на схему на стене, затем на шефа:

– D'accord, patron.

Гамаш коротко кивнул и посмотрел на Бовуара:

– Можно тебя на пару слов?

Когда они вернулись в его кабинет, Гамаш плотно закрыл дверь и повернулся к Бовуару.

– Сэр? – вопросительно произнес тот.

– Ты согласен с суперинтендантом Туссен.

Это была констатация факта.

– Я думаю, – ответил Бовуар, – должен быть способ заблокировать поставку так, чтобы они не поняли, что мы их раскусили.

– Возможно, такой способ есть, – согласился Гамаш.

– Мы захватывали более мелкие грузы, – сказал Бовуар, пытаясь использовать то, что показалось ему слабым местом в позиции босса.

– Это верно. Но те грузы шли обычными путями, пересекали границу в предсказуемом месте. Если бы мы приостановили все изъятия, картели сразу поняли бы: что-то готовится. Сейчас речь идет об огромной поставке, почти наверняка направленной в такое место, о котором, по их мнению, нам неизвестно. Если они уверены в маршруте и переправляют такое количество фентанила, это значит, что они чувствуют себя в безопасности, Жан Ги. Но это работает лишь в том случае, если мы позволим им поверить.

– Только не говорите, что это хорошая новость.

– Мы надеялись на нечто подобное. Ты сам знаешь. Послушай, я понимаю, для тебя это особенно нелегко...

– Ну почему мы всегда приходим к этому? – возмутился Бовуар.

– Потому что не можем отделить личный опыт от профессиональных интересов, – ответил Гамаш. – Если думаем, будто можем, значит мы обманываем себя. Мы должны это признать, разобраться в собственной мотивации и только тогда принять разумное решение.

– Вы думаете, я мыслю неразумно? Это вы всегда обвиняете меня в том, что я не доверяю своим инстинктам. Знаете, о чем они мне сейчас говорят? Не только мои инстинкты, но и – да! – мой личный опыт?

Бовуар почти кричал.

– Мы совершаем огромную ошибку, – сказал Бовуар, немного понижая голос. – Пропуская столько фентанила в Штаты, мы можем погубить жизнь целого поколения. Вы хотите знать о моей личной ставке? Вот она. Вы никогда не были наркоманом. Вы понятия не имеете, что это такое! А опиоиды? Синтетические наркотики? Они просто вливаются в вас. Изменяют вас. Превращают в нечто ужасное. Вот тут все повторяют: «восемьдесят килограммов». – Он махнул в сторону двери и конференц-зала по другую сторону коридора. – То, что направляется к границе, нельзя взвесить и сосчитать. Невозможно измерить то несчастье, которое принесет этот груз. Медленную, мучительную смерть. И не только для наркоманов, которые появятся по вашей вине. Подумайте обо всех других жизнях, которые будут разрушены. Сколько людей, сегодня еще живых и здоровых, умрут или будут убиты, сэр? И все из-за вашего «рационального» решения?

– Ты прав, – сказал Гамаш. – Абсолютно прав.

Он показал на кресла. Немного поколебавшись, словно чуя ловушку, Жан Ги занял свое обычное место, но сел на самом краешке.

Гамаш откинулся на спинку кресла, пытаясь устроиться поудобнее. Оставив эту затею, он тоже сел прямо.

– Есть теория, что Уинстон Черчилль знал о намеченной немцами бомбежке Ковентри, – сказал он. – И ничего не сделал, чтобы предотвратить ее. В результате бомбардировки погибли сотни мужчин, женщин и детей.

Напряженное выражение на лице Бовуара чуть смягчилось. Но он ничего не сказал.

– Британцы взломали код немцев, – объяснил Гамаш. – Однако активным противодействием они бы сообщили противнику о раскрытии кода. Ковентри был бы спасен. Сотни жизней были бы спасены. Но немцы изменили бы код, и союзники лишились бы огромного преимущества.

– И сколько человек было спасено благодаря этому решению? – спросил Бовуар.

Это были ужасные расчеты.

Гамаш открыл рот, потом закрыл его. Опустил взгляд на руки:

– Не знаю. – Он посмотрел в немигающие глаза Бовуара. – Есть предположение, что англичане так никогда и не воспользовались своим знанием из страха потерять преимущество.

– Вы шутите?

Но он, конечно, не шутил.

– Какой толк в преимуществе, если ты им не пользуешься? – спросил Бовуар. Скорее удивленно, чем сердито. – И если они допустили бомбежку этого города...

– Ковентри.

– ...то что еще они допустили?

Гамаш покачал головой:

– Хороший вопрос. Когда ты тратишь все свои запасы? Когда ты мыслишь стратегически и, как скаред, накапливаешь их? Чем дольше ты их копишь, тем труднее с ними расставаться.

Если у тебя есть только один выстрел, Жан Ги, когда ты его сделаешь? И как ты узнаешь, что пора?

– А может быть, когда я наконец сделаю свой выстрел, будет уже поздно. Я выжидал слишком долго, – сказал Бовуар. – Нанесенный ущерб перевешивает добро, которое я мог сделать.

Всю ярость Бовуара как рукой сняло, когда он посмотрел на старшего суперинтенданта Гамаша, мучительно пытавшегося найти ответ.

– Когда фентанил попадет на улицы, люди будут умирать, Жан Ги. Молодые люди. Люди постарше. Возможно, и дети. Это будет огненный смерч.

Гамаш вспомнил, как они с Рейн-Мари приехали в Ковентри много лет спустя после бомбардировки. Город отстроили, но собор так и остался разрушенным. Он стал мемориалом.

Они с Рейн-Мари долго стояли перед алтарем уничтоженного собора.

Через несколько дней после бомбардировки кто-то нацарапал на одной из стен: «Отец, прости».

Но кого простить? Люфтваффе? Геринга, который руководил бомбардировками, или Черчилля, который решил не принимать мер по их предотвращению?

Что это было – проявление мужества или страшная ошибка со стороны британских лидеров, находившихся в безопасности – в своих домах, кабинетах, бункерах за сотни миль от Ковентри?

Так и он, Гамаш, находился в безопасности, высоко над улицами Монреаля. Далеко от неминуемой катастрофы. Святой Михаил, вспомнил он. Собор в Ковентри носил имя архангела. Того самого, который приходит за душами умерших.

Гамаш посмотрел на свой указательный палец и с удивлением увидел на нем синюю линию. Как будто восемьдесят килограммов фентанила провезут прямо перед его носом на улицы городов.

Арман Гамаш контролировал маршрут с островов Мадлен до границы со Штатами. Контролировал линию, которая проходила через незначительную деревеньку в долине.

У него еще оставалась возможность и власть остановить это.

Гамаш знал: всю оставшуюся жизнь ему придется носить на своих плечах груз принятого этим вечером решения.

– И вы ничего не можете сделать? – тихо спросил Жан Ги.

Гамаш хранил молчание.

– Может, связаться потихоньку с Управлением по борьбе с наркотиками? Предупредить их? – предложил Жан Ги.

Но он понимал, что этого не случится.

Гамаш плотно сжал челюсти и проглотил комок в горле, но ничего не сказал. Он не сводил взгляда темно-карих глаз со своего заместителя. Со своего зятя.

– Сколько, по-твоему, уйдет времени на доставку фентанила до границы? – спросил Гамаш.

– Если его отправят немедленно? Он пересечет границу завтра вечером. Или даже раньше. Возможно, он уже в пути.

Гамаш кивнул.

– Но время для перехвата, вероятно, еще есть, – сказал Бовуар, хотя на самом деле он хотел сказать, что у Гамаша еще есть время передумать.

Однако он знал, что Гамаш не передумает. И в глубине души Жан Ги Бовуар понимал, что и не должен передумать.

Фентанил должен пересечь границу. Их тайна должна быть сохранена.

Чтобы открыть ее позднее. При нанесении *coup de grâce*.¹⁹

Арман Гамаш кивнул, поднялся и направился к двери. И подумал: когда он покинет сегодня офис, чтобы вернуться в небольшую квартиру, которую они с Рейн-Мари держали в Монреале, не выйдет ли из тени темная фигура и не последует ли за ним?

Не придет ли взыскать долг, который старший суперинтендант Гамаш никогда не сможет отдать?

Единственное, на что он мог надеяться, – это прощение.

¹⁹ Решающего удара (*фр.*).

Глава восьмая

– Мне казалось, ты говорила, что процесс закончится быстро, – сказала Джоан, партнер судьи Корриво. – У нас получится уехать на уик-энд?

Морин Корриво застонала:

– Не знаю. Можно ли отменить бронирование, если что?

– Я позвоню в гостиницу и выясню. Не переживай, мы всегда сможем уехать в другой уик-энд. Вермонт никуда не денется.

Морин схватила кусок тоста, поцеловала Джоан и прошептала:

– Спасибо.

– Поезжай и будь доброй девочкой, – напутствовала ее Джоан.

– Это моя песочница. Мне не обязательно быть доброй.

Морин выглянула в окно. Еще не было и семи утра, а солнце уже свирепствовало.

Она села в машину, вскрикнула и подняла пятую точку с обжигающе горячего сиденья.

– Черт, черт, – пробормотала она, включила кондиционер и медленно опустилась обратно.

Она заметила, как воздух над капотом сгущается от жары, и подумала о том, какой будет атмосфера в зале суда.

Впрочем, судья Корриво догадывалась, что и без тепловой волны там будет несладко.

* * *

– Всем встать, суд идет, – услышала она.

Охранник открыл дверь, и судья Корриво перешагнула через порог.

В зале раздался шумок, когда все вставали. А потом – когда сели вслед за ней.

Все выглядели слегка потрепанными. Уже.

Она кивнула прокурору, и тот вызвал своего вчерашнего свидетеля.

Старший суперинтендант Гамаш прошел на свидетельское место, и судья Корриво заметила, что он кажется собранным и на нем сшитый на заказ костюм, который к концу дня, вероятно, будет выглядеть не столь хорошо.

Кондиционер уже выключили и зал закрыли.

Когда Гамаш занимал свое место, она почувствовала едва ощутимый запах сандалового дерева.

Тонкий аромат окутал ее на мгновение и рассеялся. Тогда судья Корриво обратила внимание на обвиняемого и увидела глаза, смотревшие на Гамаша сосредоточенно и с мольбой.

Взгляд был пристальный. И только два человека в зале заседаний видели его: она сама и старший суперинтендант.

Но о чем молил этот взгляд? О милосердии? Нет, милосердие было вне компетенции Гамаша.

Этот взгляд отчаянно молил о чем-то Гамаша.

О прощении? Но этого Гамаш тоже не мог дать.

Что в данный момент старший суперинтендант мог предложить человеку на скамье подсудимых, которого он сам и арестовал?

Только одно, как догадывалась судья Корриво.

Молчание.

Он мог сохранить некую тайну.

Судья Корриво перевела взгляд на старшего суперинтенданта. И спросила себя, не заключено ли между ними соглашение. Что-то такое, о чем ей неизвестно.

На экран снова вывели фотографию кобратора на деревенском лугу. Там она и будет оставаться на протяжении всего процесса.

Словно наблюдая за ними.

– Вы понимаете, что все еще под присягой, старший суперинтенданта? – спросила судья Корриво.

– Понимаю, ваша честь.

– Вон, – сказал прокурор. – Вчера днем, в конце заседания, вы сказали нам, что пришли к следующему выводу: кто-то из жителей деревни Три Сосны совершил нечто столь ужасное, что пришлось вызывать это существо. – Прокурор показал на кобратора. – Кто это был, по вашему мнению?

– Я правда не знал.

– Мне известно, что не знали, я спрашиваю, каково было ваше мнение. У вас возникли какие-нибудь подозрения?

– Возражаю, – сказал защитник.

Судья Корриво поддержала возражение, хотя и с сожалением. Ей бы хотелось услышать ответ.

* * *

– Совесть? – произнесла Рут. У нее за спиной в этот сумрачный ноябрьский вечер стучал по окну дождь со снегом – уже не осень, еще не зима. – Вот оно, значит, в чем дело. Интересно, за кем же он пришел.

Она оглядела всех со своего места в глубоком кресле в гостиной Гамашей. Усевшись, она уже не могла подняться без посторонней помощи. Ее соседей это очень даже устраивало. И удобно, и не без ограничений.

Роза сидела у нее на коленях, поворачивая голову к тому, кто говорил в данный момент. Словно бесноватая.

– Кто его сделал? – спросил Оливье, появившийся в дверях между кухней и гостиной. В руке он держал багет.

– Жаклин, – ответила Сара. – Прошу прощения. В пекарне больше ничего не оставалось. Что, она так и не научилась?

Оливье продемонстрировал хлебный нож с погнутыми зубцами, зажатый в другой руке. Он подошел к задней двери и швырнул багет на улицу – пусть найдет какой-нибудь бобер и поточит зубы. Хотя, скорее всего, багет так и останется там лежать, пока его не найдет какой-нибудь археолог из будущего. И он станет такой же загадкой, как Стоунхендж.

Мирна встала, подошла с бокалом красного вина к окну и поглядела в темноту.

– «Мир, что превышает всех земных блаженств, – процитировала она. Потом повернулась к собравшимся. – Спокойная, утихнувшая совесть!»²⁰

– Шекспир, – сказала Рейн-Мари. – Только вот ощущение, что не очень спокойная.

– Потому что мы еще в неведении, – объяснила Мирна. – Это существо здесь, оттого что у кого-то в деревне совесть нечиста.

– Это просто человек в маскарадном костюме, – сказал Арман. – Он играет с кем-то в игры разума.

– Но не с нами, – сказал Габри.

²⁰ Строки из пьесы У. Шекспира «Король Генрих VIII» в переводе В. Томашевского.

– Правда? – спросила Рут. – Не с нами? У нас иммунитет? Твоя совесть такая уж чистая и незапятнанная?

Габри поморщился.

– Есть еще такие? – спросила Рут, обводя всех взглядом, пока не остановилась на Армане.

И в этот момент он обнаружил, что стоит у двери, которую всегда держал закрытой. Она вела в глубины памяти.

Он протянул руку. Правую. Она слегка дрожала.

И открыл дверь.

Она оказалась не заперта. Но он и не мог ее запереть, сколько ни пытался, помогите ему Господь. Иногда она распаивалась сама, открывая то, что внутри.

Нет, это не был какой-то жуткий, отвратительный позор.

За порогом стоял молодой человек, юноша. Улыбался. Полный надежд, веселья, честолюбивых устремлений, укрощенных добротой. Он был строен, даже худ, и униформа Квебекской полиции смотрелась на нем маскарадным костюмом.

«Ничего, он дорастет», – заверил старший инспектор Гамаш его мать на приеме в честь новых рекрутов.

Но он, конечно, не дорос.

И теперь юноша стоял и улыбался Арману. В ожидании приказов на день. Полностью доверяя ему.

«Я тебя найду. Все будет в порядке».

Но конечно, никакого порядка не получилось.

«Уходи. – Вот какие слова хотел бы сказать Арман. – Оставь меня с миром. Я очень переживаю из-за случившегося, но ничего не могу изменить».

Однако Арман Гамаш ни разу не произнес этих слов. И он знал, что если молодой человек исчезнет, то ему, Гамашу, будет его не хватать. Не той почти невыносимой боли, которую он всегда чувствовал, когда распаивалась эта дверь, а его общества.

Это был особенный молодой человек.

И Арман убил его.

Все произошло из-за случайной ошибки, говорил себе Гамаш. Из-за неверного решения, принятого в кризисной ситуации.

Непреднамеренно.

Но это была глупая ошибка, которой можно было избежать.

Если бы в тот ужасный момент он повернул направо, а не налево, молодой человек остался бы жив. Женился бы. Уже, наверное, растил бы детей.

«И пусть твои дни на земле будут долгими и счастливыми».

Но этого, конечно, не случилось.

И совесть Армана опять подала голос. Ничего особенного, говорила она, всего лишь тощий юноша, который никогда не обвинял его, только улыбался.

Арман поднес руку к виску и рассеянно провел пальцами по шраму. Словно это была печать Каина.

Рут наклонила голову, глядя на Армана. Как, вероятно, и все остальные, она знала, о чем он думает. О ком.

Старуха посмотрела на свой пустой стакан, потом на Розу, словно обвиняя утку в том, что та выпила ее виски.

Это случилось бы уже не в первый раз. Роза была пьяницей. Правда, с таким же успехом она могла быть и трезвой. Отличить пьяную утку от трезвой – дело нелегкое.

– А может, он здесь из-за меня, – сказала Рут. – Это ведь больше похоже на правду?

Она улыбнулась Арману. Точно так же ему улыбался и мальчик. В улыбке было столько нежности.

– Некоторые из моих деяний вам известны, – сказала Рут. – Я призналась в них и возместила убытки.

Клара посмотрела на Габри и одними губами произнесла: «Возместила?»

– Но есть одно...

– Вы не обязаны нам говорить, – сказала Рейн-Мари, коснувшись руки Рут.

– И чтобы это существо, – старуха подняла пустой стакан, указывая им в сторону деревенского луга, – преследовало меня до конца жизни? Нет уж, спасибо.

– Вы думаете, он здесь из-за вас?

– Возможно. Вам известно, почему мы переехали в Три Сосны, когда я была ребенком?

– Твой отец получил работу на лесопилке? – спросил Габри.

– Получил. Но знаешь, почему он вообще обратился туда? У него была хорошая работа в Монреале, в Канадской пароходной компании. Его все устраивало.

Рут погладила Розу, и та выгнула свою изящную шею то ли от удовольствия, то ли в пьяном ступоре.

Старая поэтесса перевела дыхание, как это делает ныряльщик со скалы перед прыжком:

– Я каталась на коньках на пруду в парке Мон-Руаяль. Был конец марта, и мать предупредила меня, чтобы я не выходила на лед, но я не послушалась. Со мной был двоюродный брат. Он не хотел кататься, но я его заставила. Я по характеру лидер.

Друзья переглянулись, но промолчали.

– Мы опаздывали на ланч, и мать отправилась искать нас. Она увидела нас на пруду и закричала, и я покатила к берегу, чтобы первой добежать до нее и во всем обвинить брата. Я могу немного привирать.

Брови слушателей опять поползли вверх, но никто ничего не сказал.

– Мой двоюродный брат ее еще не увидел, и, наверное, шапочка, натянутая на уши, помешала ему услышать ее крик. А может, у меня просто слух был настроен на ее голос. Я до сих пор его слышу.

Старуха наклонила голову. Прислушалась.

– Вы, наверное, догадались, что случилось, – сказала она.

– Он провалился под лед? – тихо спросила Рейн-Мари.

– Я провалилась. Лед начинает таять по краям, и когда ты думаешь, что уже в безопасности, в этот-то момент и жди беды. Лед треснул. Я до сих пор помню это мгновение. Я словно замерла в воздухе. Смотрела на мать, которая была все еще далеко от пруда. Я помню все цвета, все деревья, солнце на снегу. Выражение ее лица. И вдруг – я под водой.

– Господи боже, Рут, – прошептал Габри.

– Она была такая холодная, она обжигала, ну, вы знаете.

Рут огляделась. Все присутствующие знали, что такое сорокаградусный мороз, когда воеет ветер и ледяной холод обжигает щеки.

Но оказаться целиком в ледяной воде?

– И что дальше? – прошептал Габри.

– Я умерла, – фыркнула Рут, возвращаясь к жизни. – Что, по-твоему, случилось, тупица?

– И что дальше, Рут? – спросила Рейн-Мари.

– Брат бросился ко мне на помощь и тоже провалился. Моя мать успела спасти только одного из нас.

– Тебя? – спросил Оливье, приготовившись к язвительному ответу.

Но ответа не было.

Старуха только кивнула, устремив взгляд вдаль.

Она глубоко вздохнула:

– Мать так меня и не простила. «Моя мать давно умерла и покоится в другом городе, / но со мной так еще и не покончила», – процитировала она собственное стихотворение. – Я и сама себя не простила.

– Увы, – произнес Арман.

Рут кивнула. И Роза кивнула.

– Нам пришлось переехать сюда, – сказала Рут. – От семьи и друзей, которые тоже обвиняли меня. Обвиняли ее. За то, что спасла не того.

Оливье, сидевший рядом, застонал и положил руку на костлявое плечо старухи.

Рут опустила голову. Она пыталась заставить себя сказать еще что-то. Последнее.

Но не могла говорить. Как не могла и забыть.

– Я бросил друга, когда он признался мне, что у него ВИЧ, – сказал Габри. – Я был молодым и испугался.

– Я выписала лекарство пациентке, – сказала Мирна. – Молодой матери. В депрессии. Из-за лекарства ее состояние ухудшилось. Она позвонила, и я велела ей утром сразу прийти ко мне. Но ночью она покончила с собой.

Клара взяла ее за руку.

– Я не послушалась вас, – сказала Клара, взглянув на Армана. – Я пошла искать вас и Питера в тот день в рыбацкой деревне. Вы мне говорили не делать этого, и если бы я...

Габри взял ее за руку.

– Я обманом выуживал у стариков старинные вещи, – сказал Оливье. – Давал им малую часть реальной стоимости. Я больше так не делаю. Но ведь делал.

Он говорил с удивлением, словно описывал какого-то незнакомого ему человека.

– Мы знали об этом, *mon beau*,²¹ – сказала Рут, похлопав его по руке. – Ты говнюк.

Оливье хрюкнул от неожиданности.

Какой-то шум, поначалу приглушенный, донесся до них с деревенского луга. Громкие голоса, становящиеся все громче. И наконец перешедшие в крики.

Друзья удивленно переглянулись. Арман поднялся с кресла. Распахнув входную дверь, он увидел, что происходит.

На лугу собралась толпа. Видна была только макушка головы кобратора.

Он стоял в окружении людей.

Арман выбежал из двери, и остальные последовали за ним, кроме Рут, которая никак не могла выбраться из кресла.

– Не оставляйте меня здесь!

Но они оставили ее.

И она снова увидела руку матери, погруженную в ледяную воду. Ищущую. Отчаявшуюся. Выбывающуюся из сил.

Пытающуюся найти ее двоюродного брата.

Но за ее руку ухватилась Рут и осталась жить. Ненужная.

И тогда прощенные и прощающие встретятся снова,
или, как всегда, будет слишком поздно?

– Увы, – пробормотала она.

– Идем, старая карга.

Клара вернулась и протянула ей руку. Рут несколько мгновений смотрела на эту руку, потом ухватилась за нее.

И была вытащена.

²¹ Красавчик (фр.).

Они поспешили по дорожке на деревенский луг.

Глава девятая

– Ты, сукин сын! – орал крупный мужчина.

Он стоял в центре круга и держал в руке металлический стержень, собираясь нанести удар.

– Стойте! – прокричал Гамаш, протиснулся через толпу и остановился в нескольких футах от этого человека.

Он узнал в нем нового члена дорожной бригады Билли Уильямса, хотя имени новичка не помнил.

Человек либо не услышал Гамаша, либо не хотел слышать, настолько был поглощен своей мишенью. Кобрадором. Тот продолжал стоять. Не отступил ни на шаг. Не съезжился в ожидании удара. Не приготовился к его отражению.

– Давай уже! – крикнул кто-то.

Толпа превратилась в банду.

Арман, выбежавший из дома без свитера и куртки, стоял в одной рубашке на холодном дожде. А окружали его – окружали кобрадора – молодые родители. Деды. Соседи, знакомые ему мужчины и женщины. Ни одного из них не назвал бы он бузотером. Но теперь они заразились страхом. И страх изменил их.

Гамаш подошел к дорожнику сбоку. Осторожно. Будто протиснулся под стеклянный купол.

Он не хотел, чтобы его появление стало неожиданным, чтобы тот среагировал. Набросился на кобрадора, находящегося совсем рядом.

– Убирайся отсюда в жопу! – прокричал дорожник кобрадору. – Или я размозжу тебе голову. Богом клянусь, я это сделаю!

Толпа подзуживала его, и он крепче обхватил свое оружие и поднял его еще выше – теперь Гамаш увидел, что это кочерга.

Вид у нее был жутковатый, ею ворочали поленья в печи. Убить таким инструментом было очень даже просто.

– Не надо, не надо, – ровным, спокойным голосом проговорил Гамаш, приближаясь. – Не делайте этого.

А потом заметил движение. Из толпы вышел еще один человек.

Леа Ру. Она вмиг встала между кобрадором и дорожником с кочергой.

Тот, удивленный, замешкался.

Гамаш быстро шагнул вперед и замер рядом с Леа перед кобрадором.

Дорожник помахал перед ними кочергой:

– Не мешайте мне. Он здесь чужой.

– И что? – спросила Леа. – Он никому не приносит вреда.

– Вы шутите? – прокричал другой человек. – Да вы посмотрите на него!

– Он напугал моих детей, – крикнул кто-то еще. – Вот вам и вред.

– А чья это вина? – спросила Леа, поворачиваясь вокруг, чтобы увидеть всех. – Вы сами научили их бояться. Он ничего не сделал. Он стоит здесь два дня, и ничего плохого не случилось.

– А вы тоже не местная! – прокричал кто-то еще. – Здесь не ваш дом. Прочь с дороги!

– Чтобы вы размозжили ему голову? – Леа посмотрела на толпу. – Вы хотите, чтобы ваши дети играли на траве, залитой кровью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.